

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ВРЕМЯ

Пёс по имени Предатель, вызывающе худой, с нервно подёргивающейся серой короткостриженной шкурой... Впрочем, «короткостриженный» - это так, фигура речи, сроду его никто не стриг. В общем, если без лишних слов, пёс по имени Предатель, внешне похожий на шакала не только фигурой, но и в связи с гримасой отвращения, навсегда, по-видимому, прилипшей к его морде, сидел на пригорке, среди мокрой от росы травы, и смотрел на солнце, издевательски медленно приближающееся с востока.

Предатель смотрел на солнце, застывшее над горизонтом, зло жмурился и тяжело ворочал в голове одну-единственную мысль, которая, если перевести её на человеческий язык, звучала просто и убийственно: «Почему?»

Притомившись, он оставил булыжник глобальной мысли, повернул голову вправо и скользнул взглядом по находящимся неподалёку двум десяткам единиц брошенной техники, среди которых – комбайн, картофелесажалки, самоходные косилки, трактор «Беларусь», ЗИЛ-130, ГАЗ-66 и, конечно, неопрятные кучи мусора.

Как всё отвратительно! И весь этот хлам, и солнце, и... И особенно этот Спецназ, считающий себя чистокровной немецкой овчаркой. Он, приближаясь, во весь опор несётся по просёлочной дороге, пролегающей слева от пригорка, вдоль высокого бетонного забора с колючей проволокой наверху. Притормозив, он производит несколько вдохов-выдохов, стремясь поскорее восстановить сбившееся дыхание, а затем сворачивает с дороги влево и, тяжело дыша, бежит по склону пригорка вверх, по направлению к Предателю. Не добежав нескольких шагов, Спецназ резко останавливается и делает шумный выдох.

- Ну!

Предатель бросил на Спецназа презрительный взгляд.

- Не нукай! Не запряг.

- Я – в целях... - Спецназу ещё трудно дышать. – В целях... экономии времени. Сплетница намекает...

Предатель вскочил на ноги и ощерился.

- Да плевал я на время! – визгливо закричал он. – После того, что со мной сотворили, время стало круглым!

Спецназ ошеломлённо присел на задние лапы.

- Чего-чего? Как это время – круглым?

- А вот так!

- Время – это же в длину. Нет? – не вполне уверенно произносит Спецназ.
– Но где-то там, где не видно, кончается.

Он смотрит на убегающий вдаль бетонный забор, на вытекающую из-под него и ускользающую на юг реку Горячку, затем переводит взгляд на высящийся за рекою, слева от забора и сопровождающей его дороги, холм с деревьями и кустами на макушке.

- «Где не видно» - это где? – решает, между тем, уточнить Предатель.

- Где командировки, в которых я не побывал с Андреичем. И уже не побываю, наверно, - с грустью ответил Спецназ.

Предатель со снисходительной усмешкой разглядывает собеседника.

- Ладно, время, допустим, кончилось. А что началось?

- Откуда я знаю! – Спецназ дёрнул плечами. – Время кончится там, где я, может, помру. Пардон, подохну. Это люди мрут, а мыдохнем.

На морде Предателя высветилась довольная улыбка.

- Скоро и люди подохнут.

- Помрут или скончаются, - помотал головой Спецназ. – А ещё говорят – «преставился». Это значит – предстал перед Богом. У них песня есть: «Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, мне есть, чем оправдаться перед Ним».

Предатель усаживается на прежнее место.

- А вот нам, зверям, оправдываться ни перед кем не надо. И я говорю – подохнут. Потому что когда атомный взрыв, люди не преставляются, как ты тут высокопарно выражаешься, адохнут. Онидохнут, как тараканы после дезинфекции!

Спецназ вытаращил глаза, вскочил и принялся бегать, обнюхивая всё вокруг.

- Атомный взрыв? Ты о чём?

Предатель с привычным выражением отвращения на морде наблюдает за Спецназом.

- Ты, говорят, мыло от тротила отличаешь?

Спецназ остановился и принял горделивую позу.

- Ну а как? Я ж пенсионер МВД. Пенсию, правда, не платят.

- Кстати, а как так получилось, что ты верой и правдой, как любишь рассказывать, а оказался бездомным? – спросил Предатель.

- Ну, получилось, - замялся Спецназ.

- Вот я и говорю – пусть дохнут.

Предатель поднимается и направляется мимо брошенной техники и куч мусора в сторону леса, куда, по дну лоцины, расположенной между пригорком и холмом, устремлена и окутанная ядовитыми испарениями река Горячка. Идёт он заметно сутулясь и излишне тесно прижимая хвост к задним ногам.

- Кто? – хмурится Спецназ.

- Все! Люди, звери, птицы!

Спецназ догоняет Предателя.

- Звери? Звери – это мы с тобой. Правда, домашние. Правда, бывшие домашние.

- Вот именно, что бывшие, - полуобернувшись, роняет усмешку Предатель и ускоряет шаг, переходя на бег. – Лишить молодого здорового пса надежды обрести счастье в личной жизни! Пускай все сдохнут! И я сдохну! Если время круглое, то какого чёрта!

Спецназ сделал рывок, обогнал Предателя и преградил тому путь.

- Подожди, Предатель. Хочешь сказать, атомную станцию взорвут? – Спецназ бросает взгляд на находящийся позади Предателя, в отдалении, бетонный забор. – А? Станцию?

Предатель фыркнул и с ухмылкой посмотрел на Спецназа.

- Да, это я и сказал, придурок!

Он по дуге огибает Спецназа и продолжает свой путь. Спецназ присаживается и гордо выпячивает грудь.

- Чёрт! А я не плох. Надо же, из бреда Предателя про круглое время я вычленил и... Ай да Спецназ, ай да мамкин сын!

Спецназ вскочил и вновь догнал Предателя.

- Где?

- А не желаю с органами сотрудничать! – не останавливаясь, бросил Предатель.

- Но ты пойми!

- Отстань! – огрызнулся Предатель.

- Подожди! – не намерен отступить Спецназ.

Предатель резко остановился и, повернувшись к Спецназу, зло ощерился.

- Когда меня ловили, чтобы лишить надежды обрести семью, ты вступился? Никто не помог, все в разные стороны... Даже бабы.

- Кто ж знал, зачем ловят, - произнёс Спецназ и виновато опустил глаза.

- То-то и оно. Никогда ничего не знаешь. А ещё в органах служил.

Предатель повернулся и побежал к лесу.

- Я за идею служил, а не для того, чтобы использовать связи! – прокричал ему вслед Спецназ.

- За пайку ты служил, - бросил через плечо Предатель презрительно. – На работу голодным каждое утро гнали. А потом ты отъедался.

Спустя секунды он скрывается за деревьями и кустами.

- Специфика такая, - пробормотал Спецназ. – Ну ладно, не хочешь сотрудничать – я и без тебя обойдусь.

Спецназ покрутил головой по сторонам, затем, бросая зоркие взгляды то влево, то вправо, побежал в направлении бетонного забора.

За пайку! Он, Спецназ, - за пайку! До какой же степени нужно не уметь разбираться в собаках, чтобы подобное сказать о нём, о Спецназе, столько лет своей жизни посвятившему служению долгу! «Предотвращение, Спасение, Помощь» - один из его девизов. Как у МЧС.

ПОДЛОЕ НАПАДЕНИЕ НА МНОГОДЕТНУЮ МАТЬ

Мать, рыжешёрстная красивая колли, ещё не старая, но и не молоденькая уже, жила в последнее время исключительно, можно сказать, интересами своих детей. Она не думала, что с ней будет осенью, не загадывала, как сложится её личная жизнь следующей весной. Да, ни о чём таком она и не помышляла даже. Детей бы поднять, на ноги поставить.

Но это так говорится. Все четверо на ногах держались уже очень даже неплохо. Да они, эти бесенята, носились уже так, что только успевай поворачиваться и отслеживать их перемещения, по-детски непродуманные и безбашенные. А то вдруг рассорятся в пух и прах на ровном месте, что называется, да и подерутся вдобавок. Хорошо, косточки ещё мягкие – ни одной серьёзной травмы ни у кого пока не случилось, даже у мальчиков.

А главная забота – накормить. После того, как всех представителей семейства псовых выгнали с территории атомной станции, проблема питания приобрела столь важное значение, что Мать всерьёз опасалась, что не сможет вырастить детей крепкими и здоровыми.

И сегодня она впервые решила сводить детей в деревню, находившуюся в двух километрах от КПП станции. Однако два километра – это

если двигаться по Эм-1, дороге наиболее оживлённой из всех близлежащих и потому особенно опасной. А по Эм-3, просёлочной полузаброшенной дороге с ямами и вечными лужами, – не менее трёх километров на биоспидометр намотать можно.

К тому же добежать ещё надо до Эм-3. А это – сначала мимо Эрвэпэдэ к мосту через Горячку, потом, за мостом уже, - в обратную сторону мимо холма через лес. Можно, конечно, непосредственно от шалаша, где она проживала с детьми, пробираться к Эм-3 через лес, включающий в себя широкую полосу посадок, напрямую, однако на это надо ещё решиться. Посадки эти крайне неухоженные и заросшие до самой неприличной степени – в таких дебрях детей и потерять не трудно.

А вокруг холма лес вполне цивилизный, даже тропинки имеются. По одной из таких тропинок Мать и вела детей к дороге Эм-3, когда повстречала незнакомого усатого мужчину в камуфляжном костюме и кожаных перчатках на руках. И сразу он ей не понравился, с первого взгляда. Глаза злые, вместо лица – гримаса отвращения, ну, вылитый Предатель с его сквашенным ртом и усами скобкой.

Мать скоренько загнала детей за ближайший куст, а сама встала рядом, удалившись от тропинки на несколько шагов. Она стояла и с опаской наблюдала за приближающимся усатым, который, словно бы, и не видел её. Он, кажется, и не смотрел в сторону уступившей ему дорогу собаки. Однако каково же было удивление Матери (и испуг, естественно), когда усатый, поравнявшись с нею, сделал вдруг два быстрых шага в её сторону и нанёс резкий удар ногой.

И Мать, не успевшая отпрыгнуть на достаточное расстояние, получила ощутимый удар в правую переднюю ногу. Взвизгнув, она бросилась в лес, но почти тотчас остановилась и, поскуливая от боли, принялась отыскивать взглядом метнувшихся в разные стороны щенков. И увидела, что злодей смотрит на неё и улыбается.

- Ко мне! Все сюда! – закричала Мать. – Эйла! Юна! Финли! Норри!

Потом они бежали обратно к шалашу, дети впереди, Мать, преодолевая боль в ноге и тревожно оглядываясь, – замыкающей. Сейчас она спрячет детей, а затем отыщет кого-нибудь из соплеменников и предупредит об опасности, исходящей от злого человека, неизвестно откуда взявшегося и способного, как она убедилась, на самые подлые поступки.

Почему некоторые люди не задумываются, что они живут среди тысяч и

тысяч зверей и птиц, и даже не пытаются понять их чувства, узнать о чаяниях их и надеждах? Оказался волею случая на более высокой ступеньке эволюционного развития – и всё, что ли? Ты бог и царь? Не достойно это.

ПОСЛЕДСТВИЯ ВЗРЫВА АТОМНОЙ СТАНЦИИ

Добежав до идущей вдоль бетонного забора дороги Эм-2, просёлочной, с вкраплениями щебёнки и асфальта, Спецназ, резко присев на задние ноги, затормозил и осмотрелся по сторонам. Затем он подошёл к прорытому вдоль основания забора рву метровой глубины и принялся. «Да, обследовать ограждение станции – это прежде всего», - решил он и неторопливо побежал вдоль рва, бросая внимательные взгляды на забор.

Не преодолев, однако, и пятидесяти метров, он остановился и, наострив уши, принялся вглядываться в преградивший ему путь куст какой-то неинтересной породы.

- Эй, кто там? – послышался из-за куста сипловатый голос.

- Лежебока? – вскричал Спецназ и обогнул куст.

Да, это она. Помесь кавказской овчарки с неизвестно кем, возможно, со свиньёй, но очень костлявой, как выразился однажды Фашист, обозлившись из-за чего-то на старушку Лежебоку.

Да, лежит в тенёчке, как всегда, на боку, вальяжно отбросив лапы в сторону, и, полуприкрыв глаза, смотрит вдаль.

- Спецназ! Кхе, кхе! – Лежебока лениво поворачивает голову. – Не в службу, а в дружбу...

- Где?

- Между лопатками. И – ниже, если не в падлу.

Лежебока переворачивается на живот.

- А потом ещё животик попросишь, - поморщился Спецназ.

- Нет, только спинку, клянусь. Хотя бы спинку.

Спецназ присел на задние лапы и принялся чесать Лежебоке спину обеими передними.

- Полегче! Не дерьмо закапываешь, - проворчала Лежебока.

- Дерьмо я задними закапываю. Я, слышь, сейчас с Предателем разговаривал.

Спецназ вскочил на все четыре ноги и сокрушённо замотал головой.

- И что? Да ты продолжай, продолжай! – заворчала Лежебока.

Спецназ опять уселся и принялся чесать Лежебоке спину, понимая, что для длинношёрстной Лежебоки это порой жизненно необходимо. Тем более – в нынешних условиях их бездомной жизни, обусловившей почти полное отсутствие возможностей придерживаться правил личной гигиены хотя бы на минимальном уровне.

- Я и говорю: кто-то что-то где-то закопал. И такое дерьмо, от которого плохо станет всем. И не только людям, но и нам, собакам.

- И бездомным?

- Взрыв атомной станции! – вскричал Спецназ. – Ты представляешь, что это такое?!

Прекратив чесать Лежебоке спину, он вскочил и принялся суетливо бегать около кустов и обнюхивать землю.

- И что, ни покушать, ни полежать, если погодка позволяет? – лениво проговорила хмуро наблюдающая за ним Лежебока.

Спецназ замер на месте и вытаращил глаза.

- Погодка! Да просто мрак и медленная смерть! Это для тех, кто уцелеет во время взрыва.

Лежебока укладывается на бочок и почёсывает пузо.

- У нас жизнь и так – медленная смерть. Никто же не любит. И кушать, Спецназ, жутко хочется.

- А ты не лежи сутками. В общем, идём.

Спецназ несколько раз толкает Лежебоку. Лежебока нехотя приподнимается.

- Куда?

- Тротил искать. Заодно и покушаем, если что подвернётся.

- Может, Обжору взять? У неё нюх на еду. Как у тебя на тротил и прочий аморал.

- Аммонал, - поправил Спецназ.

- Это то же самое.

Лежебока поднимается на ноги и потряхивает шкурой, приводя себя в порядок.

- Ну! – в нетерпении вскричал Спецназ и завертел головой по сторонам.

- Она, зверюга, птичку какую-то изловила. И как лапа поднялась? – вздохнула Лежебока.

- Где она? Надо периметр осмотреть.

- Да по пути. Тут она, рядом, у речки. Просила её поделиться, да куда там.

Спецназ сорвался с места и бросился бежать вдоль рва. Лежебока перебралась на дорогу и потрусилась по ней в том же направлении.

Обжора, пузатая серая болонка на рахитичных ножках, находилась неподалёку от однопутного деревянного моста через реку Горячку, неширокую и быструю, воды которой вырываются из-под бетонного забора атомной станции и уходят в лощину. Обжора лежала и, тревожно поглядывая по сторонам, грызла небольшую косточку. Завидев приближающихся Спецназа и Лежебоку, она прижала лапами кость к земле и злобно ощерилась.

Если у Обжоры отобрать хотя бы маленький кусочек пищи... Нет, это, естественно, исключено. Однако если бы кому-то из знакомых с Обжорой удалось представить себе, что кто-то отобрал у неё пищу, то он с лёгкостью вообразил бы и мгновенную смерть её.

- Видел? – усмехнулась Лежебока, останавливаясь около замершего в раздумье Спецназа. – На куски порвёт любого. Кхе! И не только меня, но и вашего брата. И не только Предателя или другого кого из бывших. Ты, когда у неё начнётся романтический период...

- Ты просто ревнуешь, - перебил Спецназ.

- Вот ещё! А ты знаешь, из какой она семьи?

Спецназ нервно дёрнул головой.

- Не желаю слушать! Я буду вести себя так, как и положено. Если уж у меня появится ещё один шанс...

Спецназ встряхнул шкурой, словно только что из воды, принял молодецкую позу и подмигнул Обжоре. Обжора, дежурно улыбнувшись Спецназу, схватила кость и отбежала на несколько шагов в сторону.

- Да ладно, плодись ты. Кхе! – сделала вид, что не обиделась, Лежебока и улеглась на травку рядом с дорогой. А потом ещё и зевнула, громко и с пренебрежением. Отзевавшись, добавила: – А она, пока не перемелет последнюю косточку, с места не двинется.

- Эй, кончай требуху ковырять. Пошли с нами, - обратился к Обжоре Спецназ.

- Куда?

- Террористов ловить, - объявил Спецназ и, незаметно подмигнув Лежебоке, заверил: - Они сытные.

- Террористы – это навроде индюков?

Обжора на секунду отрывается от разгрызания кости и поднимает взгляд на Спецназа.

- Нет, это люди... В смысле, нелюди. Но по виду и на вкус, полагаю, такие же. А с учётом того, что их забугорные спецслужбы подкармливают, то и вообще...

Обжора, оставив вдруг кость, вскочила и возмущённо вытаращила глаза.

- Вы что?! Да за это же... Забыла, как это называется.

- Каннибальство, - подсказала Лежебока. – Да. Кхе! Всю диаспору бездомных изведут.

Лежебока потягивается и укладывается поудобней, на бочок.

- Во-первых, каннибальство, - решил поправить Спецназ, – это когда люди – людей, а во-вторых, террористов и вообще-то принято уничтожать при задержании. И уничтожают. Но, правда, не поедают.

- А у людей всё не как у зверей, - скривилась Обжора. – Убьют, а потом закопают. И зачем убивать было?

И она вновь принялась за кость.

- Если не обезвредить террористов, то погибнет масса людей, - вздохнул Спецназ. – Это смерть и куски мяса на всю округу.

Обжора отшвырнула в сторону остатки кости и подбежала к Спецназу.

- Куски мяса на всю округу?

- На всю. И сырое, и запечённое.

Обжора изумлена.

- То есть – как сроду не бывало?!

- Говорят же тебе, - лениво протянула Лежебока.

- Здорово! – вскричала Обжора.

- Что здорово? – нахмурился Спецназ.

- Я наемся, наемся навсегда, - мечтательно проговорила Обжора. – Если будет столько мяса, то, естественно, - навсегда. И больше не надо будет. И даже желания не будет.

Лежебока скептически усмехнулась.

- Желания не будет? Это ты загнула. Кхе! Так не бывает.

- Потому что столько много никто не ел. А если съесть, то – будет.

- А удовольствие от еды? Ведь когда с хрящиком... - почти что промурлыкала Лежебока своим сипловатым голосом.

- А удовольствие останется навсегда. Когда на всю округу и сырое, и запечённое, и косточки, и потрошки... Да о чём мы говорим – не бывает же! – вдруг перебила саму себя Обжора и принялась искать недоеденную кость.

- Погибнут не только люди, - покачал головой Спецназ. – Нас тоже на куски порвёт.

Обжора замирает и оборачивается. На морде её – выражение высшей степени изумления.

- Всех? Но кто-то же должен будет... Имею в виду, что кто-то же мясо-то пособирает. А? Разве нет?

- А никто.

- Нет, кто-то останется, - не верит Обжора. – Я, чур, останусь! Да, я больше всех всегда хочу есть. И я наемся раз и навсегда. И удовольствие тоже – навсегда... Потому что будет очень сильным. Сильным и твёрдым. Как камень. Да, как камни, которые настолько твёрдые, что никуда не исчезают вовек.

Неожиданно, из ниоткуда практически, появляются Сплетница и Турист. Сплетница похожа на большеглазую блондинку болонских кровей, а Турист фигурой русская гончая, а на морду – пекинес нестриженный. Сплетница в жутком возбуждении.

- Что произошло? Что происходит? – вертится она, да так, что искры летят из её вытаращенных глаз. – Я же вижу! Что тут у вас? Ну! У меня уже было предынфарктное. Чего вы добиваетесь?

Вопрос о том, чего добиваются от неё окружающие, звучал в устах Сплетницы как прямое обвинение в покушении на её жизнь. Это просто недопустимо, это убийственно, когда кому-то что-то известно, а ей нет.

Спецназ посмотрел на Сплетницу и печально проговорил:

- Проверил твою информацию. Возможен взрыв станции.

- Похоже, скоро наедемся-таки! – торопится вставить Обжора.

- Ну-ну-ну! – дрожит от нетерпения Сплетница.

- Говорят же тебе, - начал сердиться Спецназ, - кто-то собирается взорвать станцию. И все погибнут. Все люди. Даже те, думаю, которых и с самой высокой трубы станции не видно. Ну и мы, естественно.

Обжора пожала плечами.

- И якобы некому будет кусочки подобрать. Но это врут, я тебе говорю.

- Уходить надо! – взволновался Турист и заглядывался по сторонам.

Затем добавил с досадой в голосе: – Ведь планировал же сегодня выдвинуться!

- Катастрофически теряю квалификацию. Так кто погибнет? – продолжает суесться Сплетница.

- Сказано же – все! – нервничает Спецназ. – Кто-то в момент взрыва, а кто-то...

- Вот и я знала, что не все и сразу! – радостно перебила его Обжора. – И я подберу всё, что от всех останется!

Сплетница, сердито куснув Обжору, обернулась к Спецназу.

- По порядку, пожалуйста. Уже жалуются, что в предоставляемой мною информации нет системности, логики и ещё чёрт знает чего. Даже во лжи обвиняют. Хотя я всегда из первых рук, максимум – из третьих.

- Хочешь из первых – иди к Предателю. Недавно он от Ржавой Выставки... - Спецназ оборачивается к виднеющейся на вершине пригорка Эрвэпэдэ и видит приближающегося Предателя. – Кстати, лёгок на помине.

- Знаешь же, что отказался от интервью, - проворчала Сплетница.

Спецназ пожал плечами.

- Попробуй ещё раз. А потом уж придётся, видимо, самому мне...

Сплетница кинулась к Предателю.

- Ну-ну-ну!

Предатель бросил на неё злобный взгляд.

- Больше ничего не скажу. И это будет самое большое моё предательство. Что называется, всех и сразу.

Предатель опускается на травку и устраивается поудобней. Спецназ, Обжора и Турист подбегают к Сплетнице и Предателю и обступают Предателя со всех сторон.

- Уверен, что не скажешь? – угрожающе прорычал Спецназ.

Обжора решает давить на жалость.

- Я и не едала ещё досыта!

- Масса же маршрутов нереализованных! – вскрикивает Турист, и в голосе его слышится отчаяние.

Подошла и Лежебока.

- Но зачем же, камрад? – спросила она словно бы даже и с удивлением и дружески улыбнулась Предателю.

Предатель улыбнулся в ответ и не без грусти в голосе поведал:

- Устал от мелких подлостей. Это как рутинная домашняя работа.

Крутишься, крутишься, а спроси про результат... А если всех и сразу – это как

подвиг, который на века.

Сплетница с раздражением хватает Предателя зубами за бок.

- Какие века?! – кричит она сварливым голосом. – Если никого и нигде, то века отменяются!

- Чтоб умерла не насытившись... - Обжора подавлена. – Нет, так не бывает.

- А твой брат? – обернулась к ней Сплетница. – Он тоже вечно ныл, ныл, ныл, а потом под машину попал.

- Он не так, как я, хотел. Всегда – не так. А я – всегда. И если никто не угощает, то я, пожалуй, пойду.

Обжора отбежала в сторону и завертела головой, раздумывая, куда направиться.

Спецназ подступил к Предателю вплотную и толкнул его.

- Доложи, что именно ты видел?

- Я всё сказал.

- Ты видел взрывчатку или террористов?

- Я видел всё и всех! – с вызовом вскинул голову Предатель.

- Ты не можешь так с нами, - зарычала Лежебока, и шерсть на её загривке заметно приподнялась. – С нами и с людьми, около которых мы кормимся!

- Около которых кормимся? – вскочил на ноги Предатель. – Вы о тех, которые прогнали нас со станции и обрекли на вымирание? Да идите вы!

Предатель срывается с места, стремительно проносится по мосту и сворачивает влево. Вдоль реки, по восточному склону высящегося справа холма, он бежит к лесу.

- Догнать! – приказывает Спецназ и первым бросается в погоню.

Сплетница, Турист, а также Обжора и Лежебока следуют его примеру.

СПИСКИ ТЕХ, КТО ДОЛЖЕН УМЕРЕТЬ

Фашист, типичная дворняга, во внешности которого было что-то и от восточно-европейской овчарки, и даже, кто-то ему говорил, от лабрадора, ну, может, не вполне чистокровного, считал себя образцовым псом и этим очень гордился. Взять, хотя бы, нервную систему. Железная. Стальные, без всякого преувеличения, нервы. Он, столько всего переживший, а это и трагическая судьба единоутробных братьев, и ранняя смерть родителей, оставался

оптимистом, верящим в свою звезду.

Ну, о вере в звезду – это так, красивое выражение, не свойственное, в общем-то, Фашисту. Он сам как-то подсчитал, что процентов на восемьдесят он циник, причём – стопроцентный. И только на сколько-то из оставшихся двадцати, не на все даже, – романтик. И романтик не в смысле «ахов» и «охов», а по части веры, опять же, в свою счастливую звезду и высокое предназначение.

Про звезду и предназначение, правда, не очень понятно было. Но об этом надо будет как-нибудь на досуге, желательно – на сытый желудок, поразмышлять поосновательней и формулировочки отшлифовать.

Когда Фашист пробегал лесную поляну с большим пнём посередине, навстречу ему выскочил заметно вспотевший Предатель.

- Стой! Что случилось? – спросил Предателя Фашист.

Предатель остановился и попробовал перевести дыхание.

- Они узнали.

- И?..

- Порвут, похоже, - выдохнул Предатель и тревожно оглянулся. Он близок к панике. Даже всегдашнее выражение отвращения на его морде заметно подразмылось.

Фашист самодовольно улыбнулся.

- Не порвут. Давай – вон туда.

Фашист и Предатель выбежали на середину поляны и остановились около пня.

- Обозлились чего-то, - с деланным недоумением на морде и словно бы оправдываясь произнёс спустя секунду Предатель, немного успокоившись.

- Спина к спине, - приказал Фашист. – Главное – страх не показать.

И вот уже выбежавшие на поляну Спецназ, Турист, Сплетница, Обжора и Лежебока окружают Фашиста и Предателя, прижавшихся хвостами к основанию пня.

- Фашист, этот подлец... - начал Спецназ.

Однако Фашист выслушивать его не намерен.

- Правильно, они все должны умереть.

- Кто – все? Списки уже составлены? – задёргалась Сплетница.

Фашист усмехнулся, окинул собак высокомерным взглядом, затем запрыгнул на пень.

- Составлены. Списки давно уже составлены, - с пафосом заявил он. – Я

неоднократно говорил и повторяю: все эти таксы, бультерьеры, мастины и чаю-нечаю должны умереть. Выжить имеет право сильнейший, тот, кого природа приемлет.

- То есть, у кого аппетит? – уточнила Обжора.

- Думаю, тот, кто обществу полезен, - поправил её Спецназ.

- Да, кто обо всём и всегда. Я, значит, - предложила свою версию Сплетница.

- Им делают по десять прививок! – округляет глаза Фашист. – Да если мне десять прививок – я стану бессмертным. Даже ещё больше, чем люди. Люди бессмертны максимум до ста лет, а я был бы бессмертен до... Ну, до ста десяти, по меньшей мере. Да я неделю не ел, размышляя о судьбах собачьей популяции, и ничего. Кстати, я проглотил бы чего-нибудь.

Фашист, заметно погрузнев, осмотрел слушателей, затем спрыгнул с пенька.

Обжора придвинулась к Фашисту.

- Будет взрыв, и нажрёмся. Если, как и я, уцелеешь.

Её слова услышал Спецназ.

- Никто не уцелеет! – с раздражением проговорил он.

- Можем уйти, а потом вернуться. У меня имеется несколько прекрасных маршрутов, - объявил Турист.

Предатель усмехнулся.

- Далеко не уйдёте. Да, взрыв очень скоро.

- Смотри как идти, - загорячился Турист. – До противоположной стороны экватора, я слышал, всего двадцать тысяч кмэ.

Лежебока закатила глаза.

- Двадцать тысяч! Кхе-кхе! Километр-то много. Меньше намного, чем вокруг станции.

- Мать хромает! – вдруг раздался радостный вскрик Сплетницы. – С утра не хромала, а теперь хромает! Мать, почему хромаешь? Ну! Ну-ну!

И все обернулись к выбежавшей на поляну Матери. И увидели, что она и в самом деле заметно припадает на правую переднюю лапу.

Мать, добежав до сородичей, присела и бросила печальный взгляд на Спецназа.

- Я шла с детьми... В общем, он ударил меня.

- Это ещё что такое? – Обжора с возмущением воззрилась на Спецназа. –

Мало того что детьми практически не занимается...

- Да я ни разу лапу не поднял! – вскричал Спецназ и подбежал к Матери.

– Кто? Как ударил?

- Не знаешь, как бьют собак? Безквартирных собак пинают.

- Кто посмел? Ты же Мать! Ты мать четверых щенков, не считая... Ну, кто прошлое помянет... - Спецназ выхватывает зубами репей, прицепившийся к шерсти на шее Матери, и отбрасывает его в сторону.

- Сутулый с усами? – потягиваясь, произнёс Предатель.

- Да, - обернулась к нему Мать. – На тебя, кстати, очень похож.

- Я его прозвал Тараканом.

- А дети? – обеспокоился Спецназ.

- Думала, тоже пинать будет. Но я их с дороги, чтоб не достал... - поведала Мать.

Спецназ помотал головой.

- Он всех достанет, если я меры не предприиму.

Фашист насмешливо фыркнул и вспрыгнул на пень.

- Истинные псы выживут, - самодовольно объявил он. – А эти все, ну, экстерьерные, которые спят с хозяевами в одной постели, помрут. И это справедливо. Их моют, стригут и даже, возможно, завивают. Разврат! – Фашист покинул трибуну, обернулся к Сплетнице и, состроив презрительную морду, спросил: - Искусственная завивочка?

- Не твоё дело! – огрызнулась Сплетница. – В прошлой жизни, кстати, у меня был знакомый буль с металло-керамическим мостом. И что? Или ему всю жизнь кашку хлебать?

Фашист ухмыльнулся.

- Он должен был умереть. Не сохранил зубы – что ж... Такой закон.

Спецназ поднялся на задние лапы и постучал по срезу пня.

- Звери, мы с людьми живём!

- Мы не взрываем друг друга, - счёл необходимым возразить Предатель. – Впрочем, если взрыв... - Предатель улыбнулся. – Да, это будет и мой подвиг. Не только террориста Таракана.

Спецназ обернулся к Матери.

- Ты его видела. Мать, опасность грозит и твоим детям.

- Мои дети – не только мои дети.

- Я не об этом. Где ты его видела?

Собаки окружают Мать. Все, за исключением прилѣгшего на травку Фашиста, а также Предателя, который, стараясь остаться незамеченным, пятится к ближайшим кустам.

- Если туда ломанѣмся, такой-то толпой, то всех детѣнышей перебудим. Они же рядом, за речкой.

Лежебока подняла взгляд на солнце.

- Тихий час? Кхе! Кхе! Не рано ли? Хотя я тоже полежала бы, да кушать хочется.

- Показывай! – решительно произнёс Спецназ.

- Да-да! – подступила к Матери Сплетница.

- А вы возьмѣте да и разлазаетесь ни с того ни с сего. Собаки и есть собаки, да ещё без роду без племени, не благородные.

Фашист, уловивший нотки превосходства в голосе Матери, вскинул голову и приподнялся.

- Ах-ах, не благородные! Да мы и есть элита. Мы выживаем там, где всё живое вымирает. Если не считать крыс.

- При взрыве и крысы погибнут, - поспешил заявить Спецназ.

Сплетница покачала головой.

- Насчѣт крыс сомневаюсь.

- Крысы не погибнут, - возразила Обжора. – После взрыва они откормятся и станут таксами. Но без родословных и прочих ксив.

- А станут таксами, то и помрут, - оживился Фашист. – Таксы – вырожденцы, которые без прививок, уколов, капельниц и прочих систем...

Не закончив, Фашист вскочил, подбежал к пню и присел, готовясь запрыгнуть на него. Однако оказавшийся поблизости Спецназ грубо оттолкнул его от трибуны и угрожающе клацнул зубами.

- Хватит, слышали! Кстати, где Предатель?

Спецназ принялся оглядываться по сторонам.

- Он всегда делает одно и то же. Он предаёт, - с мстительной усмешкой ответил Фашист.

Сплетница радостно подпрыгнула.

- Он же ушѣл! Я знала, я видела!

- Что ж молчала-то? – рыкнул Спецназ.

- Любая новость должна быть ко времени. И я вижу, что именно сейчас эта новость особенно востребована. Мой нюх...

- Идиотка! – перебил Спецназ. – В твоей голове не извилины, а кудряшки!
Лежебока, лениво потягиваясь, объявила:

- Если сейчас побежите искать Предателя и террориста, то я, пожалуй, прилягу. Хотя и голодная.

- Сограждане, - с пафосом проговорил Спецназ, - мы должны объединиться в борьбе за выживание!

- А если просто хочется кушать и объедаться? Если хочется всего лишь быть сытым и счастливым? – поспешила возразить Обжора.

Спецназ раздражён.

- Вы способны лишь визгливой стаей на проезжающие автомобили бросаться!

- Твои предложения, специалист? – проговорил Фашист, бросив насмешливый взгляд на Спецназа.

- Предложения? – вскинул голову Спецназ.

Он, кажется, готов изложить свои предложения максимально внятно и в общедоступной форме, но кому это интересно? Вот и Фашист, задавший вопрос о предложениях, уже отошёл в сторонку и устраивается на травке.

Спецназ подступает к Матери.

- Мать, где ты видела Таракана?

- Дети спят. Я же сказала. А это мимо надо. Не орать-то ведь никто не может.

- Да отоспятся они ещё! – нетерпеливо переступая с ноги на ногу, рыкнул Спецназ. – Если живы останемся. Веди нас!

- Хорошо. Но – с другой стороны. Тем более что он как раз от Эм-3 шёл.

- На холм? Нет. Мы проигрываем во времени.

- Я догадалась! – радостно подпрыгнула Сплетница. – Спецназ думает, что Предатель отправился к террористам!

- Вперёд, войны! – воззвал Спецназ. – Все за мной! Он не должен уйти!

- Мы растерзаем Таракана, разберём на кусочки! – с воодушевлением возвестила Обжора. – Большие – мне, а остальные...

Лежебока толкнула Обжору в бок.

- Но Предатель... Кхе! Предатель же наверняка сделал своё дело.

- Да, поесть, пожалуй, не получится, - погрустнела Обжора.

Турист отбежал в сторону, затем остановился и обернулся.

- Уходим! Предложение действительно в течение пяти минут! Кто

согласен – ко мне! Проходим подготовку и, проинструктированные, - в путь!

- Далеко же, - простонала Лежебока.

- Зато места-то какие! – радостно парировал Турист. – И живёшь, как бездомный, но уже не бродяга. Дауншифтерами будем называться.

Спецназ гордо выпрямился.

- Ладно, туристы-беженцы, я один двину. Я, конечно, мог бы и приказать, и меры соответствующие... Но я, Бойцы Шустрые Ноги, пойду сейчас и в одиночку покараю врага. Мать!

Мать вздохнула, покачала головой, затем направилась к лесу. Спецназ окинул собак сердитым взглядом начальника, пребывающего в состоянии крайнего недовольства, порывал многообещающе, затем повернулся и побежал следом за Матерью.

Фашист проводил взглядом удаляющихся Мать и Спецназа и с презрением сказал:

- Вожак называется. Давно уж в город надо было переселиться.

- Да-да, - поддакнула Сплетница. – И вот почему мы всё ещё здесь?

- А не повёл почему-то нас на город начальник, - продолжил Фашист, саркастически улыбаясь. – Да взяли бы какой-нибудь городишко, пусть даже районный центр, и жили бы припеваючи.

О городе разговоры заходили уже не впервые. Действительно, город есть город. Жизнь в каком-нибудь миллионнике или даже стотысячнике многим почему-то представлялась если и не раем пятизвёздочного уровня, то уж, во всяком случае, не шла ни в какое сравнение с нынешним их существованием. И какая это жизнь, если ночевать приходится на свалке отжившей техники, прозванной Ржавой выставкой последних достижений, сокращённо – Эрвэпэдэ?

Ладно бы ещё, если бы поблизости находился какой-нибудь, хотя бы мало-мальски значимый, источник пропитания. Но его нет. Точнее, он имеется, и очень даже неплохой, по крайней мере, в недавнем прошлом, а именно – в период проживания на территории атомной станции, никто особенно не жаловался. Однако доступа к нему, а это столовая и имеющаяся при ней кухня, собак практически полностью лишили. Да, сначала выгнали с территории станции, где у каждого была крыша над головой, а потом и дыры и щели в заборе ликвидировали. Более того, охране станции поручили выявлять и закапывать все лазы, которые собаки путём невероятных усилий, в кровь обдирая когти, рыли, устраивая подкопы под бетонные плиты забора.

И наступил апокалипсис. Это если мягко и по-научному. А если прямо и по правде – голодать стали бездомные собаки. До мора ещё не дошло, но голодная смерть уже многим не казалась чем-то фантастичным и несбыточным. Кое-кому даже снилась, заставляя вздрагивать, дёргаться и вскакивать по ночам, обливаясь холодным потом до костей пробирающего ужаса.

СОБАЧЬЯ КРОВЬ И РВАНАЯ ПЕРЧАТКА

Таракан лежал на вершине холма, около небольших кустиков и, прикинув к окулярам бинокля, осматривал территорию расположенной неподалёку атомной станции, а также окружающий её бетонный забор, когда к нему подкрался Предатель. Появившись из леса, подступающего к холму с южной стороны, он уселся в десятке метров от Таракана и принялся лаять, громко и злобно, так, как лают на чужих и опасных.

- Пошёл вон! – обернулся к нему Таракан.

Однако Предатель продолжил лаять. Тогда Таракан, осмотревшись, сместился в сторону, подобрал сучковатую палку, потом развернулся и, приподнявшись, запустил ею в Предателя. Предатель, ловко увернувшись от летящего с посвистом снаряда, отбежал чуть подальше и принялся лаять громче, чем прежде.

- Вот же скотина! – выругался Таракан.

Он выхватил огромный кинжал из находящихся на брючном ремне ножен и с ненавистью уставился на Предателя. Предатель попятился назад и укрылся за стоящей на опушке леса сосной. И продолжил лаять.

Но это если со стороны смотреть. А на самом деле Предатель теперь уже не стремился излишне ярко выражать злобу, ненависть и презрение к Таракану, не старался брызгать горячей слюной и сверкать искусственно выпученными глазами. Предатель в данную минуту, откровенно, в общем-то, издеваясь над Тараканом, громогласно читал любимый стих знакомого оператора метеостанции:

- Буря! Скоро грянет буря! Это смелый Буревестник гордо реет между молний над ревущим гневно морем. То кричит пророк победы: «Пусть сильнее грянет буря!»

Таракан убрал в ножны кинжал, упрятал бинокль в футляр, а потом поднялся и, пригнувшись, побежал к лесу.

Предатель поспешно отскочил в сторону, а затем, убедившись, что ему ничто не угрожает, закричал:

- Ты понял, придурок, кто тебе кровушку-то попортить может?

Распорядок, поди, время обходов высматривает. Идиот! Если бы у Спецназа получилось с этим сбродом справиться...

Предатель замолчал, прервав себя на полуслове, и задумался. Затем он кивнул несколько раз головой, словно соглашаясь с какими-то своими мыслями, и побежал следом за Тараканом. Да, он рассчитывал стать свидетелем кое-каких событий, способных некоторым образом развлечь и позабавить.

А незадолго до этого Спецназ и Мать, бежавшие по лесной тропинке, внезапно остановились. Точнее, сначала замерла следовавшая первым номером Мать, а уж потом – ткнувшийся головой в её зад Спецназ.

- Что? – спросил он.

- Это было здесь. Я детей с дороги... Я сама отошла в сторону, а он...

- Куда он ушёл? – нетерпеливо перебил её Спецназ.

Мать кивнула в направлении виднеющегося за верхушками деревьев просвета.

- Я же говорила. Туда, к опушке леса, за которым – вершина холма.

- За мной! – сорвался с места Спецназ.

Вскоре он уже кружил и выписывал восьмёрки, обнюхивая траву на вершине холма, а Мать молча стояла тут же и без особого интереса поглядывала по сторонам. Очень скоро это занятие окончательно ей наскучило, и Мать сказала:

- Да нет его здесь. Глазам-то уже не доверяешь?

- Это осмотр места происшествия называется, - пояснил Спецназ. – Он здесь лежал, и лежал долго. И не один раз.

Мать усмехнулась.

- А взять след, догнать...

- След я взял. И догоню! – не без обиды в голосе вскричал Спецназ и, пригнув голову к земле, бросился в сторону леса, растущего на южном склоне холма.

Мать, без особой охоты, побежала за ним следом. Не горела она желанием вновь встретиться с Тараканом. А правильнее сказать, она предпочла бы вообще никогда не видеть подобных типов, не сталкиваться с ними на жизненном своём пути. Да лучше бы, такие подлецы и во сне не являлись бы ни

ей, ни, тем более, её детям.

Терзаемая, в прямом смысле этого слова, мыслями панического плана Мать бежала не быстро. Да и нога ушибленная давала о себе знать всё никак не утихающей болью. И когда изрядно приотставшая Мать оказалась на месте только что состоявшейся схватки Спецназа и Таракана, то первое, что она увидела, это была кровь на тропинке. Небольшая такая лужица ещё не остывшей собачьей крови алого цвета.

Мать в ужасе оглянулась по сторонам. Где Спецназ? Куда он подевался? Жив ли он ещё? Заполз, теряя последние силы, в кусты и умер? Найти его и прикрыть утратившие блеск глаза? А вдруг враг ещё где-то здесь, поблизости? Мать, невольно пятясь, в очередной раз окинула взором окружающее пространство.

В этот миг послышался треск ломаемых сучьев под ногами кого-то большого и неосторожного, и из-за деревьев появился Таракан. Он вышел на тропинку буквально в десяти шагах от Матери. Вышел, бросил на Мать свирепый взгляд, затем нагнулся и вырвал из-под ног у себя пучок травы. Спустя секунду Мать уже наблюдала, как этим зелёным клочком он вытирает лезвие окровавленного ножа.

За минуту до встречи со Спецназом Таракан, шедший по этой сбегаящей с холма лесной тропинке, остановился, вынул из кармана мобильник и, сняв с правой руки кожаную перчатку, коснулся пальцами сенсорного экрана смартфона.

- Я нашёл... - сообщил он невидимому собеседнику. После этого произнёс ещё несколько фраз, прерываемых непродолжительными паузами. – Нет, лаз. Собаки. Если пролезают собаки... Ну, подкопать придётся. Сколько у меня времени?.. Да-да, постараюсь успеть.

Закончив разговор, Таракан спрятал мобильник в карман и резко обернулся. И очень вовремя. Он увидел, как стремительно приближающийся Спецназ отталкивается от земли всеми четырьмя лапами и прыгает на него. Таракан, пытаясь прикрыть голову, вскинул кверху левую руку с зажатой в ней правой перчаткой, а правой рукой ухватился за рукоятку находящегося на поясе ножа. Затем, когда Спецназ снова кинулся на Таракана, последовало рассчитанное и точное движение, хорошо отрепетированное.

А перчатку пришлось выбросить. Она, эта порванная собачьими клыками перчатка, попала на глаза Матери, когда она в поисках Спецназа металась

среди кустов и деревьев. Мать обнюхала находку, повертела, ухватила зачем-то её зубами и даже попробовала разорвать, однако передумала и отшвырнула в сторону.

НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД ПРОДОТРЯДА

Лежебока, Обжора, Сплетница и Фашист сидели посередине лесной поляны, выстроившись в шеренгу, а Турист, преисполненный важности, прохаживался перед ними и вещал о трудностях, с которыми сталкиваются путешествующие собаки. Затем он остановился и спросил:

- Что ещё необходимо помнить, путешествуя на большие расстояния в режиме долгосрочного странствия по миру? Ну, кто знает?

- Поесть не мешало бы на дорожку, - высказалась Обжора и облизнулась.

- И выспаться. Кхе! - добавила Лежебока и, потягиваясь, широко зевнула.

Малорослая Сплетница втянула голову в плечи и отодвинулась от Лежебоки.

- Ты пасть-то прикрывай, когда зеваешь. Мне даже страшно стало.

- Да, сбегать в деревню, подкормиться, потом отоспаться... - мечтательно проговорила Обжора.

Сплетница нахмурилась.

- Местные накостыляют.

- Всем вместе двинуть. С понтом, продотряд, - предложила Обжора.

Сдаваться она и не думала. – Да, всем коллективом.

Турист, крайне недовольный развитием событий, пробовал протестовать и скандалить, настаивая на необходимости не откладывать путешествие в долгий ящик, однако потерпел поражение. И спустя непродолжительное время Обжора, Сплетница, Турист, Фашист и Лежебока (она позади всех), уже бежали по лесной тропинке, приближаясь к Эм-3. Достигнув дороги, они отправились по ней в направлении то ли действительно существующих заманчивых запахов чего-то неопишимо вкусного, то ли всего лишь рождаемых богатым воображением размечтавшихся зверей.

Неожиданно от придорожных кустов отделилась четвероногая фигура. Это был Предатель.

- Далеко ли, уважаемые? – спросил он с усмешкой, когда собаки остановились напротив него.

- Сам-то как думаешь? – недовольно произнёс Фашист.

Предатель многозначительно улыбнулся и, слегка понизив голос, сказал:

- Тут и поближе что покушать найдётся.

Обжора подскочила к Предателю.

- Что? Где?

Предатель кивнул в сторону.

- Кусты рябины видите? Щас из-за них сотня килограммчиков выкатится.

Какие килограммчики? Почему и с чего это вдруг они выкатятся?

Естественные, казалось бы, вопросы, однако никто из оголодавших особей

Предателю их не задал – просто все бросились бежать по дороге туда, где к ней

вплотную подступали кусты рябины. Предатель же, довольно улыбающийся,

остался стоять на прежнем месте. А когда из-за кустов рябины показался

Таракан, выкатывающий на дорогу мотоцикл, Предатель укрылся за одиноко

растущей у самой дороги берёзкой.

- Вот гады! – прорычал Таракан, обнаружив бегущих в его сторону собак, и поспешно поставил мотоцикл на подножку. Затем он нагнулся и вырвал из-под коробки передач прикрепленный к ней скотчем пистолет.

Фашист, нёсшийся впереди всех, затормозил всеми четырьмя лапами и выкрикнул:

- Атас! Подстава!

Обжора, Сплетница, Турист и Лежебока также резко остановились.

- Я знала! – взвыла Сплетница.

- Я же уже настроилась! – с отчаянием простонала Обжора, изумлённо уставившись на Таракана, целящегося в неё из пистолета.

- Уходим по одному! – прокричал Турист и метнулся в сторону.

Остальные, кто мгновенно, а кто и с некоторой задержкой, то есть уже после того, как зазвучали выстрелы, бросились врассыпную.

ТЯЖЁЛАЯ МАТЕРИНСКАЯ ДОЛЯ

За несколько секунд до того, как зазвучали выстрелы, Мать сделала шаг в сторону от лежащего на лесной полянке Спецназа и проговорила:

- У меня дети, мне некогда твои раны зализывать.

Пять минут тому назад она нашла Спецназа около покрытой мхом валёжины, оказала первую медицинскую помощь и помогла перебраться на эту полянку, прогреваемую почти прозрачными лучиками солнца.

- Да заживёт, как... - Спецназ покосился на резаную рану на своём правом боку. – Заживёт, в общем. Кровь ты почти остановила. А то что...

Спецназ замолчал и принялся считать зазвучавшие в отдалении выстрелы.

- Что это? Ты слышал? – обернулась к нему Мать.

- Это Стечкин. Кстати, видел я уже Таракана. За нашего принял.

- Давай провожу на Эрвэпэдэ, - предложила Мать. – Кто-нибудь там наверняка в ближайшее время появится.

- Полежу, - отказался Спецназ. – А то и вообще здесь заночую.

Мать с сомнением осмотрела Спецназа.

- Не справишься тебе с ним.

- Ну уж! – Спецназ вскинул голову. – Я ж порвал ему руку!

Мать усмехнулась.

- Перчатку ты порвал, а не руку.

Спецназ предпринял попытку вскочить на ноги.

- Нет! Я... Ой! – Он скривился от боли и осторожно опустился на землю.

– Да, он держал в руке перчатку.

- Хотя ты и сзади... - не без иронии произнесла Мать.

- А это нормально, - запротестовал Спецназ. – Если противник превосходит в... Ну, если разные, к примеру, весовые категории, то так и полагается.

- Возможно. Но как-то... не очень достойно, что ли. И вцепиться следовало в глотку. Разве нет?

Спецназ опустил глаза и вздохнул.

- Просто не тренировался давненько, некогда как-то всё. Ну и рацион не сбалансированный. Раньше-то Андреич следил.

Мать окинула Спецназа критическим взглядом.

- Когда ел-то в последний раз досыта?

- Не, ну я же охотник, я рыбак.

- То, что ты приносил детям, не очень-то похоже на добычу охотника.

Спецназ смутился.

- Ну... В общем, давай не будем об этом. И... Ну, я хотел бы надеяться...

- Могила, - кивнув, заверила Мать. – А теперь побегу. Я пришлю кого-нибудь.

Мать прощально вскинула лапу, повернулась и убежала. Спецназ вздохнул, затем предпринял попытку дотянуться пастью до раны на правом боку. Не получилось. Но боль усилилась, и Спецназ, застонав громко и жалобно (стесняться теперь некого было), прижался щекой к легко колышущейся ветром траве.

Мать, слух у неё отличный, остановил стон Спецназа. Она повернула голову назад и наострила уши. Потом некоторое время топталась на месте в нерешительности и даже хотела возвратиться. По крайней мере, мысль такая у неё появилась. Однако, взвесив все за и против, она продолжила свой путь, даже ускорила слегка. У неё дети. Голодные дети. К тому же – без присмотра уже не менее часа, наверно. Стреляли, конечно, не в них – откуда-то с юга выстрелы доносились, но мало ли иных опасностей, что подстерегают не имеющих крыши над головой детей двух бездомных собак, родителей их злосчастных.

Впрочем, крыша была, правда – дырявая. Жила Мать с детьми своими в шалаше, образованном двумя поваленными бурей деревьями. Лежали они довольно плотно друг к другу, однако щель оставалась. И как ни пыталась Мать щель эту ликвидировать, закрыть, законопатить, в полной мере устранить течь не получалось.

А на Эрвэпэдэ жить с детьми Мать опасалась. Уж лучше подальше быть от этой шумной, крикливой, безалаберной компании деклассированных элементов. Случись что – все в лес ломанутся, и кто-то добежит, без сомнения. А щенки?

Нет, в подступившем к речке лесу, среди кустов и деревьев, понадёжнее будет. Тем более что рядом имеется нерукотворный мост через Горячку – ещё одно поваленное в грозу дерево. Недостаточно толстое, к сожалению, но подрастут малыши чуть-чуть, и можно будет попытаться поучить их перебежать по нему на другой берег, на тот, где находится холм и всё тот же лес к югу от него. Прекрасный путь отхода в перспективе.

И ещё хорошо, что мало кто из пробегающих мимо холма к Эм-3 про этот мостик, укрывшийся среди прибрежных зарослей кустов, знает. Вот и сейчас, прежде чем нырнуть в кусты и ступить на соединяющее два берега Горячки бревно, Мать осмотрелась по сторонам и убедилась, что её никто не видит.

Выяснив, что дети на месте, Мать принялась размышлять на темы добычи

пропитания для них. Добросовестно поскрипев мозгами не менее четверти часа, однако так ничего и не придумав, она решила положиться на удачу и, наказав щенкам от шалаша никуда не отходить, отправилась в сторону Эрвэпэдэ. Осмотрится там, поговорит со всеми, кто повстречается, узнает все новости... Ну а там видно будет.

Так, в заботах о хлебе насущном, большая часть дня и прошла. И вот, когда щенки резвились на полянке около дома, а порядком притомившаяся Мать сидела неподалёку и с привычной тревогой посматривала по сторонам, послышался всё нарастающий шум, словно кто-то, приближаясь, ломился сквозь заросли.

Мать вскочила на ноги.

- Все в дом! Эйла, проследи, чтобы никто не высовывался!

Норри, Финли, Эйла и Юна подбежали к входу в шалаш и нырнули под поваленные деревья. Мать приняла боевую стойку.

Из зарослей на полянку, пятясь задом, выбрался Турист. По земле он волочил больших размеров пластиковый короб, вцепившись в один из краёв его зубами.

- Что такое? Заиками детей решил сделать? – возмутилась Мать, с облегчением выдыхая.

Турист выпустил из зубов короб и также предпринял попытку перевести дыхание.

- Я ухожу... Ухожу сегодня, сейчас. Ты, я знаю, не пойдёшь со мной, поэтому вот... - Турист кивнул на короб. – Ну, на память. На семью, между прочим, рассчитан. Типа, модуль. Ну или конура, по-простонародному.

- А как же остальные?

- Пока их соберёшь... - присаживаясь, вздохнул Турист. – Ну, после сегодняшнего. Даже не знаю, все ли ноги унесли. Слышала уже?

Мать улеглась на траву напротив Туриста и сокрушённо помотала головой.

- Да, просто ужас. Не так давно Сплетница забегала, а до этого Обжору видела. Изрядный клок причёски потеряла. Сделала ей начёс.

- Я ведь много месяцев, словно в карцере, но без отхожего места... - с печалью в голосе проговорил Турист. – Иногда, чтобы просто на минутку выскочить озончику глотнуть, сутками приходилось выть на люстру.

Мать удивлённо вскинула брови.

- Но домашних положено два раза в день...

- Так и было. И не на пять минут, а на час-полтора. Но хозяин умер. Я ведь, знаешь, его жену хозяйкой так и не назвал ни разу. Язык не повернулся. А вот ты – настоящая мать. – Турист кивнул в сторону щенков, уже покинувших шалаш и теперь резвившихся около короба. Затем спросил озабоченно: - Финли всё ещё кашляет?

- Прошёл кашель. Здоровы, в общем, все. А вот Спецназ... Просила Сплетницу и Обжору, но не знаю... Может, ты?.. Я бы дала координаты.

- Время, я теряю время, - нахмурился Турист. – Жизнь, так коротка.

- Куда уж сегодня-то? Глянь, где солнце-то. Дело к вечеру, считай. Да и, - Мать с укором взглянула на собеседника, - солидарность какая-никакая должна быть. Стая к престижным сообществам не относится, конечно, но...

- Ну не знаю, - недовольным голосом перебил её Турист. – У меня дела ещё. – И Турист задумчиво почесал за ухом. Спустя некоторое время спросил: - А ты точно не пойдёшь?

- Если только бежать придётся. Мне детей поднимать надо, - ответила со вздохом Мать. – А вообще я о стране предков мечтаю.

- Да, ты говорила. Но... я не знаю, как водные преграды преодолевать. Горные перевалы, непроходимые леса, пустыни... Я ведь, ты знаешь, по краю Гоби не одну неделю шёл. Высох так, что сквозь меня на солнце смотреть можно было. Но – кому? Я ведь почти всегда одинок. Хочется, знаешь ли, чтобы кто-то где-то ждал тебя, чтобы...

- Не время сейчас такие разговоры вести, - перебила Мать. – Помоги-ка модуль этот твой установить. Дети, все сюда!

- Стоп-стоп! – пропищала Эйла, рыжая нарядная девочка с высокомерным взглядом прекрасных глаз. – Я не поняла. Что же, и леди будут в этом участвовать?

- Да, юная леди, мы сделаем это все вместе, - ответила Мать.

- Фи! Это просто возмутительно! – выразила недовольство Эйла. – Ты хочешь, чтобы мы превратились в квадратных питбулей?

- Как уж получится, Эйла, - нахмурилась Мать. – Но жизнь нас поставила в такие условия, что выбирать не приходится.

- И никакого выхода? – воскликнула Юна, платиновая блондинка с круглыми удивлёнными глазами.

- Все вместе. Всем понятно? – повторила Мать и первой приблизилась к

пластиковому коробу.

ГРАНИЦА НА ЗАМКЕ – КЛЮЧ В КАРМАНЕ

Спецназ лежал около кустов, уронив голову на вытянутые перед собою передние лапы, и сдержанно постанывал. Глаза его были полуприкрыты. Мозг работал, но слабо. Импульсы его были бледными, неяркими, а мысли... Да их и разобрать-то сложно было. То теснились и путались, а то вдруг – раз и ни одной на всё пространство черепа, пустого и гулкого. Потом снова появляются. И все типа: «А я умру? И остальные? А что делать? Почему не пошёл на Эрвэпэдэ?» И ни одной конструктивной и чтобы по делу.

Сбоку, из леса, выбежал Предатель и, остановившись в нескольких метрах от Спецназа, принялся рассматривать раненого.

- Не знал, что ты так плох, - произнёс он спустя минуту.

Спецназ приподнял голову и скосил мутный взгляд на Предателя.

- Неудачно... Неудачно прыгнул, - с трудом выталкивая из пасти слова, проговорил Спецназ. – Но, надеюсь, больше не сунется.

- Я про состояние здоровья, - пояснил Предатель, поморщившись от звука падения мутноглазой головы Спецназа на его же безжизненно вытянутые вперёд лапы. – А Таракан весь день тут ошивается.

Спецназ собрался с силами и приподнял голову.

- Где взрывчатка, знаешь? – едва ворочая языком, спросил он.

Предатель подошёл к Спецназу вплотную и присел напротив.

- А и знал бы, не сказал. Уж лучше подвиг-месть и яркая смерть, чем эта тухлая жизнь. А ведь тоже хотелось простого мужского счастья.

Спецназ с сочувствием взглянул на Предателя.

- Ты мог бы... стать альтруистом. Монахи, мать Тереза...

- Вот ещё! – фыркнул Предатель. – И, кстати, ты бы свалил отсюда. Ведь не удержусь же, сдам.

- А медицинская... помощь? Даже врагам, даже пленным...

- Помогу, - кивнул Предатель. – Но, знаешь, у меня и слюна-то, поди, ядовитая. Ладно, показывай свои резаные.

- Значит, ты... - Спецназ, со стоном, переворачивается на левый бок. – Ты видел и не помог? Надо всем... вместе...

- Все вместе уже попробовали, - с усмешкой сказал Предатель. – Ты мог

выстрелы слышать. Моих рук, кстати, дело.

- Твоих лап? Ты умеешь стрелять? – выразил удивление, не ярко, насколько позволяло его состояние, Спецназ.

- Просто так говорится. Я всё организовал.

Предатель нагнулся и, скривив морду, принялся осматривать рану на боку Спецназа. Потом приступил непосредственно к лечению, рассказывая попутно, как «накормил пулями стаю безмозглых собак». И Спецназ не был в состоянии не только взбучку Предателю задать в воспитательных целях, но и даже на словах ясно и просто выразить своё отношение к подлому поступку Предателя не сумел. Стонал он больше, чем говорил, истязаемый лечебными процедурами.

Позднее, спустя час или два, когда Спецназ – уже, кажется, не вполне умирающий, а даже и как будто слегка выздоравливающий – лежал около кустов и задумчиво смотрел прямо перед собою, из леса на поляну выскочил Турист. Он поспешно огляделся по сторонам и, обнаружив Спецназа, подбежал к нему.

- Мать просила, но, понимаешь, закрутился... - торопливо, извиняющимся тоном, заговорил Турист. – Только что из деревни, презентик знакомой занёс. Хочется же, чтобы помнили. Ну или хотя бы вспоминали иногда. Как ты?

- Уже лучше.

- Где там у тебя что? Показывай!

- Да пока ладно. Предатель меня подлечил, - ответил Спецназ и повернул голову, чтобы посмотреть на выбежавших на поляну Обжору и Сплетницу. – Тоже ко мне, что ли?

Действительно, приятно, когда тебя помнят и не забывают. Ну или вспоминают, хотя бы. Вот и Турист вспомнил. Сначала забыл, а потом вспомнил. А может, даже и не забывал, помнил всё время, переживал даже немножко за получившего в неравном бою тяжёлую рану товарища, но – у каждого своя жизнь.

Пять минут тому назад Обжора тоже совершенно не помнила о раненом Спецназе. Она лежала рядом с лесной тропинкой и с остервенением рвала зубами кожаную перчатку, когда около неё оказалась Сплетница.

- Что это у тебя? Это же перчатка. И чего взбесилась? – выразила недоумение она.

- Это его перчатка! – не без торжества в голосе ответила Обжора.

- Которую он выбросил после драки со Спецназом, - с усмешкой сказала

Сплетница. – Кстати, найти его не могу.

Обжора вскочила на ноги.

- Чёрт, забыла про него! Мать ещё когда просила. Пошли. Только причёску поправь.

Сплетница поправила Обжоре причёску, и та, подобрав полуразодранную перчатку, бросилась бежать по тропинке.

- Перчатку-то оставь! – прокричала Сплетница, рассмеявшись, затем сорвалась с места и пустилась догонять Обжору.

Когда Обжора и Сплетница выбежали из-за деревьев на поляну, Сплетница воскликнула:

- Вижу его! Но, похоже, мы опоздали.

Обжора повертела головой с зажатой в зубах перчаткой, обнаружила Туриста и лежащего рядом с ним Спецназа и, не разжимая зубов, возразила:

- Нет, живой.

Сплетница и Обжора приблизились к Спецназу и Туристу.

- Ну, больной, на что жалуемся? – голосом ветеринара со стажем проворковала Сплетница, окидывая Спецназа внимательным взглядом, затем строго глянула на Туриста. – Как он? Жар есть?

- Не знаю. Жить, говорит, будет, - пожал плечами Турист и обернулся к Обжоре. – Та самая?

Обжора разжала зубы, и перчатка упала на землю.

- Не смогла бросить, - с некоторым смущением в голосе пояснила Обжора и накрыла перчатку передними лапами.

- Да, её можно использовать, - сказал Турист.

- Каким образом? Почему я не знаю? – живо заинтересовалась Сплетница.

- В одной стране, где море и тепло, а на горах снег... - Турист уселся поудобнее. – Это когда-то давно было. Так вот, когда один главарь прогнал другого, то он, победитель, ритуально сжёг какую-то вещь побеждённого и омыл сапоги в синем море, которое они называют Чёрным.

Обжора ткнула Сплетницу в бок.

- Значит, я всё правильно делала. Вот только купаться в Горячке – уж извини, - обернулась она к Туристу.

- Кто тут победитель, хотелось бы знать, - бросила ироничный взгляд на Спецназа Сплетница.

Спецназ нахмурился.

- В Горячке можете купаться, пока налысо не облезете, а перчатку прошу оставить в покое.

- Но это не я, это люди придумали! Полагается же! – с возмущением и обидой в голосе воскликнул Турист.

- Полагается? Но это – вещдок, - остался непреклонен Спецназ.

- Ну и ладно, - пожала плечами Обжора и придвинула перчатку поближе к Спецназу. – Была бы хоть съедобная...

- Кстати, о Горячке, - обратилась персонально к Спецназу Сплетница. – Ты хоть раз подумал о том, что твои дети круглосуточно вдыхают пары этого водяного чудовища? Кем они вырастут? Да они, может, в мутантов превратятся. Двухголовых или многолапых, как сороконожки.

Спецназу возразить было нечего. Плохой он глава семейства. Да и глава ли вообще? Ни жильём достойным, ни пропитанием, необходимым молодым растущим организмам, обеспечить детей оказался не способен. Фактически всё на матери щенков, на хрупких её плечах... Ну, не таких уж и хрупких, конечно. На нешироких, правильнее сказать. Фигура у неё такая в соответствии с конституцией.

Но всё равно он, как бы это помягче выразиться, ну, подлец, что ли. Правда, не вследствие преступного легкомыслия и безответственности подлец и негодяй он, а в силу терзающей его душу тревоги за состояние дел на атомной станции. Вроде бы, раз прогнали – собирай манатки и уматывай. Держаться, что ли, до конца, как вши за кожу? Рыба ищет, где глубже, а собака – где лучше. Но как оставить станцию на начальника охраны Капралова и прочих отвечающих за безопасность функционирования её?

Дунул некий злокозненный ветерок из какого-то начальственного кабинета – они взяли и выгнали Спецназа и его команду с территории вон. Ну ладно бы, сами исполняли бы служебные обязанности должным образом. Так ведь этого нет. Забор-заборище, пропускная система, видеонаблюдение... И все спокойны и в ус не дуют. А тот же оператор видеонаблюдения больше спит, чем на мониторы смотрит, - Спецназ тому свидетель. Ладонями подопрёт подбородок и улетаёт в царство снов. Про променады охранников по дорожкам и аллеям охраняемой территории и совсем говорить не хочется – ничего не видят, ничего не слышат, а обоняние так и вообще на нуле.

А теперь эта ситуация с Тараканом. Нет, он, Спецназ, не оставит объект, пока не предотвратит глобальную катастрофу и не изловит террориста. «Граница

на замке – ключ в карман» - девиз пограничников. А он сейчас, действительно, скорее пограничник, чем какой-нибудь сторож или вертухай.

НАДО ВО ЧТО-ТО ВЕРИТЬ

Предатель, внимательно поглядывая по сторонам, бежал по Эм-3. В полусотне шагов от кустов рябины он остановился и прислушался. Если Таракан, которого он недавно опять встретил на холме, оставил свой мотоцикл на том же самом месте, то можно проверить одно дело, очень даже интересное. Подленькое такое дельце.

А почему бы и нет? Он встал на этот путь, сознательно сделав выбор. И жизнь эта, которая постоянно на адреналине, ему до некоторой степени даже нравилась. Такой вот партизан-единоличник. Или герой-одиночка. Так, пожалуй, лучше звучит. Именно герой. А потому что он особенный. Если и не с рождения, то уж, во всяком случае, с того момента, когда все его братья погибли, а он остался жить и радоваться жизни.

Ну, положим, радости было не так уж и много. Но, однако же, и не без того. В юности он, как ему теперь казалось, был довольно хорош внешне. Хотя и не красавец, конечно, никто на него шибко не заглядывался. Где уж ему тягаться с теми лощёными типами, что чаще на автомобилях, чем пешком. Зато в смысле brutality он был вполне на уровне, даже голос имел достаточно низкий, да едва ли не бас.

Мотоцикл Таракана снова оказался за кустами рябины, в зарослях малинника. Что ж, прекрасно. Где тут у нас что? Шланг бензопровода? Ха, самое то. И вкус бензина... Нет, не вкус, конечно. Запах! Запах бензина ему всегда нравился. И когда с дальнобойщиками по стране колесил, и когда при гараже проживал – всегда этот запах воодушевлял и делал жизнь более многоцветной.

Потом Предатель бежал в сторону деревни и любовался придорожными видами. Беспечно бежал, беспечно любовался. А это не преступление, это намного хуже. Ошибка. Не имел он права позволять себе расслабляться.

Однако осознал Предатель это слишком поздно. Фашисту даже преследовать его не пришлось. Ну а как? Нос к носу столкнулись. И Фашист сразу так рыкнул на него, что задние ноги Предателя сами собой подогнулись, и он сел, чувствительно прищемив хвост, оказавшийся между копчиком его и ребристым камнем неизвестной породы, случайно подвернувшимся.

Или не случайно, ибо всё в этом мире взаимосвязано. И все наши импульсы, все эманации, как светлые, так и тёмные, будучи отправлены в замкнутое пространство не такой чтобы и в самом деле огромной вселенной, возвращаются в исходную точку, усиленные многократно.

Многократно, но, порой, не окончательно. Будет день, как говорится, будет и пища. И Лежебока, завидев приближающихся к Эрвэпэдэ Предателя и Фашиста, поднялась на ноги и торжествующе улыбнулась. А до этой минуты она, прикрыв глаза, дремала, лёжа в кузове ГАЗ-66, насквозь проржавевшего, вросшего лишёнными колёс ступицами в землю и с полуразрушенными деревянными бортами.

Предатель, прихрамывая, бежал впереди, то да потому оглядываясь на следующего за ним по пятам Фашиста.

- Давай-давай! – покрикивал Фашист.

- Отпусти, Фашист! – молил Предатель, стремясь всячески замедлить бег. – Захотелось пожить почему-то. И вообще, зачем мы сюда? Таракан нас очень не любит.

- Кхе! Нашёл, - удовлетворённо проговорила Лежебока и крикнула: - Молодец, Фашист! Типа, слава героям, да?

- Народ где? – задал вопрос Лежебоке Фашист, остановившись около кузова ГАЗ-66.

Лежебока с недоброй улыбкой осмотрела Предателя, затравленно зыркавшего по сторонам, и объявила:

- Я его сама разберу на шейку, рёбрышки и филейную часть. Столько лет при кухне. Где этого зверя добыл?

Фашист улёгся на травку и с удовольствием потянулся.

- Рябинки помнишь? Как раз в том районе на дорогу выскочил. Зови остальных. Устроим щас что-нибудь вроде ку-клукс-клана. Слыхал про такое? – обернулся он к Предателю.

- Не надо у людей плохому учиться, - нахмурился Предатель.

- Кстати, ты из чьих будешь? – задал ему вопрос Фашист. – Ты же не то лиса, не то шакал.

Предатель вскинул голову и с вызовом произнёс:

- Неважно. Наполеон тоже был невысокого роста, а до сих пор его помнят и не забывают. И вы меня будете помнить до самого последнего мига своей жизнёшки.

Лежебока улыбнулась Фашисту и кивнула на Предателя.

- А только что говорил, что не надо у людей учиться, - проворковала она добродушно, а затем вдруг с неожиданной резвостью перепрыгнула через борт грузовика, приземлившись аккуратно прямо перед Предателем. Предатель испуганно дёрнулся и отпрыгнул в сторону.

- Стоять! – рявкнул Фашист и вскочил на ноги.

Предатель поджал хвост и присел, с опаской поглядывая на зловеще улыбающуюся, довольную произведённым эффектом Лежебоку.

Потом Лежебока и Фашист долго молча лежали около кузова ГАЗ-66, а Предатель сидел напротив них и с тревогой посматривал по сторонам. Тревожно ему было. Не хотел он в эти минуты находиться в этой точке земного шара (Земля-то круглая, говорят). Да он вообще не планировал ночевать здесь, на Эрвэпэдэ, сегодня. Да и в ближайшее время – тоже.

- Ты и в самом деле останешься на взрыв посмотреть? – вдруг спросила у Фашиста Лежебока и ошупала его недоверчивым взглядом.

- Надо во что-то верить, - помолчав, сказал Фашист. – Я верю в свою правоту.

Лежебока, заметно погрузнев, отвернулась от Фашиста и положила голову на вытянутые перед собою передние лапы, костлявые, узловатые, неженственные.

А во что верить ей, немолодой, не очень красивой, не особенно удачливой? В загробное существование? Так его собакам никто и не обещал. Остаётся лишь надеяться, что земная жизнь каким-нибудь волшебным образом наладится. Были же в её судьбе благоприятные повороты, после которых удача сопутствовала ей на протяжении достаточно продолжительного времени. Несомненным успехом было, например, то, что она приглянулась бабе Гале, одной из боссов столовой, и та позволила ей жить в пристройке, где хранился дворницкий инвентарь. Целый год, а это триста с чем-то дней и ночей, - на территории передового, можно сказать, предприятия да ещё при кухне!

А была ведь и ещё одна счастливая пора в её жизни. Это когда она охраняла коттедж Гены, двухметрового улыбчивого здоровяка. Он сам любил поесть и своей Лежебоке, такой же в ту пору улыбчивой и вальяжной, ни в чём не отказывал. Почти три года она обеспечивала безопасность строящегося дома, шикарного во всех отношениях, с колоннами метрового диаметра, башнями по периметру стен (не забора) и ещё одной, самой внушительной, растущей из

самого центра крыши.

А потом в доме Гены поселилась его жена, маленькая, худенькая вегетарианка с анемичной чихуа-хуашкой подмышкой, и принялась упорно выживать Лежебоку, от которой как-то не так пахло. Просто капала и капала на мозги простодушного Гены в ежедневном режиме. А тут ещё угораздило Лежебоку угостить писклявую Матильдочку из своей миски. Это и было последней каплей на слабое темечко Гены.

СТАНДАРТЫ БЕЗЗАКОНИЯ И УСЛОВИЯ АМНИСТИИ

Обжора, Сплетница и Турист, скучной вереницей пересекающие восточный склон холма в направлении дороги Эм-2, добежали до моста и остановились, один за другим, а потом, почти одновременно, обернулись, посмотрели на Спецназа и, присев на задние лапы, дружно вздохнули. Спецназ шёл медленно, непроизвольно пошатываясь при ходьбе, даже, кажется, чуть поскрипывая суставами, и тащил в зубах кожаную перчатку.

На мордочке Сплетницы появилась улыбочка, хороших новостей не предвещающая.

- А вдруг мы сейчас приходим, - заговорила она интригующим тоном, - а он уже там? Небольшая такая, но страшенькая сенсация, а?

- На Ржавой Выставке? – испугалась Обжора. – И опять с пистолетом?

- Полагаешь, не знает, где мы живём?

Турист вскочил и затоптался на месте, суетливо и встревоженно.

- Не думаю, что я должен погибнуть именно в этой точке земного шара и именно от рук какого-то террориста по кличке Таракан, - проворчал он. – Один мой попутчик, например, сорвался со скалы при переходе Альп, там, где Суворов ещё со своей стаей во славу царя и отечества...

- Ты рассказывал, - перебила Сплетница. – А я и вообще массу геройских случаев знаю.

Подошёл Спецназ и, разжав зубы, уронил на землю обильно смоченную слюной перчатку.

- Да вы не ждите, - тяжело дыша, проговорил он, - тут уже рядом.

Передохну только.

Обжора, Сплетница и Турист критически осмотрели раненого, затем, переглянувшись, вскочили и исчезли из раскачивающегося на ветру поля зрения

Спецназа. И спустя пару минут уже со всех сторон обступили испуганно съёжившегося Предателя.

- Порвать! – первой справилась с нахлынувшими на всех новоприбывших при виде Предателя мыслями Обжора. – Хотя бы запахом крови насытимся.

- Преступление, народ, налицо. А в связи с тем, что сотрудничать с нашим правоохранителишкой не желает... - произнёс, улыбаясь, Фашист и пожал плечами.

- Может, осудить и казнить? – предложил Турист. – Подобное во всех цивилизованных странах, где я побывал, творится.

Сплетница оживилась.

- А это была бы сенсация. Судить и казнить – это по законам человеческого общежития. Мы просто в собственных глазах вырастем. Жаль, расстрелять не получится.

- Но... - вдруг озабочился Турист. – Но обычно это очень длительный процесс.

- Если длительный, то взрыв опередит обвинительный приговор, - сделала вывод Сплетница. – Это я в качестве анонса уже следующей сенсации.

Приплёлся Спецназ, бросил перчатку под кузов грузовика и устало опустил на траву.

- Первым делом взрывчатку... - осипшим голосом проговорил он. – Надо отыскать взрывчатку. Объясняю, на запах она...

- Ну! – поторопила замолкшего вдруг Спецназа Обжора.

- Да, какая? – подключилась Сплетница. – У меня имеются сведения, но недостаточные.

Спецназ покачал головой.

- Нет, запахи словами нас передавать не учили. Предатель, подойди.

- Подскочил быстро! – подтолкнула Предателя Обжора.

Предатель поднялся и, опасливо косясь на обступивших его собак, приблизился Спецназу. На полусогнутых.

- Предатель, ты говорил, что видел тротилловые шашки, - начал допрос Спецназ.

- Ничего я не говорил ни про какие шашки! – вскричал Предатель, а затем, в очередной раз оглянувшись по сторонам, добавил: - И вообще, давайте уйдём отсюда.

- Но ты сказал, что взрывчатка была похожа на мыло.

Предатель выпучил глаза.

- А я знаю, как выглядит мыло? Ты ещё про шампунь и гель для душа спроси. Я, как некоторые тут, в услужении у людей не жывал. Меня предали до того, как я глаза открыл. Меня, как и моих братьев, топили, да, в отличие от братьев, не дотопили.

- А жаль, - прозвучало безжалостно, и собаки, обернувшись, увидели стоящую неподалёку Мать.

- Зато твои уже не выживут, - пробормотал озлобленно Предатель.

Мать бросилась к Предателю. Предатель отскочил в сторону, затем, хромая, пустился наутёк. Все собаки, за исключением Спецназа и Фашиста, кинулись следом.

- Далеко не уйдёт, - довольно улыбаясь, сказал Спецназу Фашист и запрыгнул в кузов, чтобы сподручнее было наблюдать за погоней, приближающейся к лесу. – Я ему лапу прикусил, когда изловил.

- Чтобы легче конвоировать было?

- Типа, да. Тоже не лыком шиты, - самодовольно улыбнулся Фашист, а затем вдруг встревоженно вскочил передними лапами на борт грузовика и закричал: - Смотри, что удумал!

И Фашист выпрыгнул из кузова и убежал. Спецназ тяжело поднялся и, кривя морду от боли, последовал за Фашистом.

Предатель, крайне испуганный, лежал на спине, задрал лапы кверху, а вокруг него топтались разъярённые Лежебока, Мать, Обжора, Сплетница и Турист.

- А ну подскочил, убийца! – кричала Обжора.

- Поднимайся, негодяй! – вторила ей Мать.

- Я предвидела! – радовалась Сплетница.

- А не во всех уже краях этот закон действует! – громогласно объявил Турист и подтолкнул в бок Сплетницу. – Да во многих не действует!

- Да! Да! Да! – поспешила поддержать его Сплетница. – По моим сведениям, вообще анахронизм! Уже и среди собак, как я слышала!

- Раззявы! – выкрикнул подоспевший Фашист и принялся толкать Предателя, вынуждая того перевернуться на живот и подняться.

Однако Предатель, он словно ванька-встанька, не поддался.

- Чего замерли? Помогайте Фашисту! – засуетилась Сплетница.

Мать, Лежебока и Турист предприняли ряд попыток помочь Фашисту,

однако у них ничего не вышло, потому как Турист и Фашист подталкивали Предателя с одной стороны, а Мать и Лежебока – с другой.

- Противозаконно! Не имеете права! – выкрикнул заметно подуспокоившийся Предатель.

Подошёл, пошатываясь, Спецназ и приоткрыл пасть, намереваясь что-то сказать. В эту минуту более всех суетящаяся Сплетница случайно задела его рану на боку, и Спецназ издал громкий стон.

Все собаки обернулись на стон, а пребывающая в состоянии крайнего возбуждения Сплетница закричала:

- Спецназ, ты у нас законник! Он улёгся на спину и лапки кверху!

- Я, считай, всю жизнь с людьми, - Спецназ окинул соплеменников растерянным взглядом, - а у них свои стандарты беззакония. Кстати, и пытки в порядке вещей. – Спецназ обернулся к Предателю. – Ты должен рассказать всё, что тебе известно.

- Пытать будешь? – спросил Предатель насмешливо. – Обучился на службе? Ты ведь там и ещё кое-чему научился? Так? И с утраца, как обычно...

- Что?! – вскричал Спецназ. Он был ошарашен.

- Да ладно, никому не скажу, - усмехнулся Предатель. – Понимаешь, о чём я?

- Похоже, я чего-то не знаю! – встревожилась Сплетница и подскочила к Спецназу. – Мы чего-то не знаем?

Спецназ попробовал обойти Сплетницу и приблизиться к Предателю вплотную.

- Я против пыток, Предатель, но... - в голосе Спецназа явно улавливались неуверенные нотки просителя. – Но террористы же – плохие парни, Предатель. Однозначно.

- А те, которые нас со станции прогнали, хорошие? Отлично же жили. В гости друг к другу ходили.

- Особенно к нам с бабой Галей, - сказала Лежебока.

- А лазы! – вскричал возмущённо Спецназ. – Сколько их понарыли, считал кто-нибудь? И всё от лени. Трудно пройтись?

- Да, трудно, - возразила Лежебока. – Ели-то до отвала.

Обжора с недовольным видом покосилась на Лежебоку.

- Ну, кто при кухне, - конечно. Остальным – объедки.

- Виноваты же. Объект-то – режимный, - проговорил Спецназ, которому

не терпелось закончить обсуждение неприятной темы и прилечь. – Потому ввиду служебного несоответствия и выперли.

- А тебя ещё на целую неделю оставили ввиду соответствия, как я понимаю? – с иронией спросил Предатель, насмешливо оглядывая Спецназа, только что едва ли не рухнувшего (ноги-то совсем не держали) в траву.

- Когда вас выгнали, я... - Спецназ передними лапами обхватил свою голову. – Я чувствовал себя... виноватым, что ли. Ошибаться стал. Случилось так, что наших пропустил на территорию, а это не поощряется.

Фашист окинул Спецназа не то высокомерным, не то презрительным взглядом.

- А и всегда ты был дерьмовеньким руководителем. Фюрер из тебя никакой, - заявил он, а потом повернулся к Предателю. – А тебе я лично... Ну, в случае, если общественность попросит. Мне-то наплевать на взрывы. Но если попросят, - Фашист угрожающе ощерился, - я буду откусывать тебе хвост по частям, ме-е-едленно. А закон этот...

- Да, закон! – выкрикнул Предатель.

- О, закон! – Фашист вскинул голову, скользнул насмешливым взглядом по мордам сородичей и с пафосом объявил: - Мы поменяем законы улицы. А скоро будут действовать только они! Они и никакие другие!

- Ладно, я покажу, - проговорил озадаченно Предатель, адекватно оценивший обстановку. – Я покажу, где взрывчатка. Но – амнистия. Тотальная, причём. Ну, по лапам?

Собаки принялись обмениваться взглядами, а Предатель перевернулся на бочок и теперь выжидающе поглядывал на присутствующих.

И вдруг Мать вскрикнула:

- Тихо! Там кто-то ходит! – И она замерла, прислушиваясь.

- Где? Я ничего не слышу! – заволновалась Сплетница.

- На Эрвэпэдэ. Неужели мои не усидели? Ведь наказала же – ни шагу из модуля! – простонала Мать и сорвалась с места.

- Стой! – вскричал Спецназ и поднялся на ноги настолько быстро, насколько это оказалось возможным сделать в его состоянии.

Мать остановилась и обернулась.

- Я должна проверить!

- А вдруг там Таракан с пистолетом? У меня предчувствие плохое, - высказалась Обжора.

- Да, я говорила. Помнишь? – поддержала Обжору Сплетница.

- Я собирался сказать... - слегка заикаясь, произнёс Предатель. – Я трубки... на его мотоцикле перегрыз. И по звукам... Мне показалось, там кто-то двуногий.

Сплетница устремила свирепый взгляд на Предателя.

- Казнить, нельзя помиловать!

- И немедленно! – выкрикнула Обжора.

Она подскочила к Предателю, поспешно переворачивающемуся на спину, и укусила его за бок ещё до того, как он успел задрать лапы вверх.

- А амнистия? – закричал Предатель. – Она же на все проступки распространяется! Я говорил – по всем статьям амнистия!

- Усилить охрану! – распорядился Спецназ. – А я сползаю. Надо скрытно. Фашист рассмеялся.

- Ты у нас такой дурак по субботам али как? Сползает он! Стоит-то кое-как. Или это ветер? – Фашист отвернулся от Спецназа, подступил к Предателю и приказным тоном объявил: - Ты пойдёшь! Повезёт – кровью искупишь.

- Мы так не договаривались! – поднял лапы как можно выше Предатель.

- Врал про круглое время, - сказал Спецназ, - а сам цепляешься за жизнь с недостойной настоящей собаки беспринципностью. То лапы вверх, то...

- Лапы вверх? – перебил Предатель. – А право на защиту каждый имеет, между прочим!

- Да сам схожу, - вскинув голову, высокомерно произнёс Фашист. – Лучше меня всё равно никто не справится. Спецназ, как там девиз у кого-то?

- Никто, кроме нас. Это у ВДВ, - подсказал Спецназ.

- Да не этот, - поморщился Фашист.

- Там, где мы, там победа. Морская пехота.

- Да нет! – рассердился Фашист. – Там про тишину что-то.

- После нас только тишина.

- Во-во! – обрадовался Фашист и, повернувшись, побежал вдоль опушки леса в восточном направлении.

- Куда это он? Кто понял? – с недоумением проговорила Сплетница.

Спецназ кивнул.

- Грамотно действует. А напрямую нельзя.

- Да, мы же как на ладони, - согласилась Сплетница. – И если бы не сумерки...

И Сплетница, оборвав себя на полуслове, поспешила отбежать к кустам боярышника, туда, где начинался густой лес, и бухнуться в траву. Последовали её примеру и все остальные, за исключением Спецназа и Матери, которые улеглись на землю и, вытянув шеи, принялись вслушиваться в вечерние звуки.

ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ

Фашист осторожно приближался к Эрвэпэдэ, осматривая всё вокруг. И с особым вниманием – комбайн, кабина которого возвышалась над всеми остальными объектами. И он его нашёл. Фашист обнаружил Таракана, силуэт головы которого выделялся на фоне потемневшего неба.

Оглядевшись, Фашист подобрал с земли металлический прут и, поудобнее зажав его в зубах, резко провёл одним из его концов по металлическим зубьям бороны. Затем бросил прут и спрятался между лемехами плуга. Стремительно обернувшийся на звук Таракан торопливо высунул наружу из не имеющего стекла окна кабины и голову, и вооружённую пистолетом с глушителем руку, однако цели, которую намерен был поразить, не обнаружил.

Фашист приподнял улыбающуюся морду и, выглядывая из-за металлического укрытия, прокричал:

- Приготовился? Патроны имеются? С предохранителя не забыл снять?

Теперь Таракан имел координаты одной из целей, однако в условиях сгущающихся сумерек Фашист виден был ему сугубо фрагментарно, наиболее отчётливо – лишь издевательски виляющий хвост.

- Даю обратный отсчёт! – прокричал Фашист. – Три, два, один!

И фашист бросился бежать, по возможности укрываясь за картофелесажалками и сенокосилками.

За секунду до этого Мать в очередной раз обратилась к лежащему рядом с нею и всматривающемуся в виднеющееся в сотне метров нагромождение техники Спецназу с вопросом:

- Да где он там? Ты кого-нибудь видишь?

И тут раздались сухие, лишь чуть-чуть увлажнённые окутывающим землю вечерним туманом щелчки выстрелов из пистолета с глушителем, а затем – собачий визг.

К Матери и Спецназу подбежала Сплетница.

- Его убили! – завопила она. – Убили Фашиста! Я сразу догадалась!

- Может, всего лишь ранили, - высказал предположение Спецназ. – Пуля могла по касательной пройти.

Он поднялся и направился к взволнованно топтавшимся около кустов боярышника Обжоре, Лежебоке, Предателю и Туристу.

- Скажи ещё – ото лба срикошетить! – крикнула ему вслед Сплетница и обернулась к Матери. – Нет там твоих. Пошли отсюда.

Когда Сплетница и Мать присоединились к остальным, Спецназ уже готов был держать речь. И он, вытянувшись и развернув плечи, заговорил:

- Сограждане, наш дом в руках врага. Мы должны окружить Ржавую Выставку, броситься на захватчика и... Да, и победить или умереть, сограждане! Но пасаран!

- Кхе! Кхе! – прочистила горло Лежебока. – Позвольте мне. Ржавая Выставка Последних Достижений – не наш дом.

- Ещё говорят – Перестроечных Достижений, - вставила Сплетница.

- Неважно, - отмахнулась Лежебока. – Эрвэпэдэ – всего лишь пристанище. Временное. Идём сейчас в деревню...

- Да, прямо в лес, потом через посадки, - перебила Сплетница. – Я знаю отличную тропу.

Лежебока недовольно зыркнула на Сплетницу и продолжила:

- Мы переночуем в одном из сараев, утром позавтракаем, а потом похороним нашего безвременно ушедшего со всеми почестями.

- Не меня ли хоронить собрались? – послышался знакомый голос.

Собаки обернулись и с изумлением воззрились на стоящего неподалёку и весело посмеивающегося Фашиста.

- Но кто-то же визжал! – возмущённо вскричала Сплетница. – По-собачьи! Я слышала!

- Прикололся. Ха-ха-ха! – рассмеялся Фашист и кивнул Лежебоке. – За почести – отдельное спасибо. Наверно, это очень приятно.

Предатель усмехнулся.

- Ладно, что там у вас по распорядку? Маленькая победоносная кровопролитная, как предлагал босс?

- Уходим, - принял решение Спецназ и остановил тяжёлый взгляд на Предателе. – А ты от меня ни на шаг! Утром покажешь, где взрывчатка.

Спецназ шаткой походкой раненого направился в лес, и хромым Предатель, послушно засеменявший рядом с ним, заговорщически проговорил:

- Может, с утра сначала на трассу? Далеконько, правда. Это ж топать и топать к ней по Эм-1.

Спецназ помотал головой.

- Ты неправильно всё понял. Я знакомых искал.

Предатель усмехнулся.

- А-а, ну я так и подумал. Но ты не восстановишься, если питаться плохо будешь.

Сплетница посмотрела вслед Спецназу и Предателю и вдруг всполошилась.

- Сматываемся! Он, возможно, уже подкрался и взял Лежебоку на мушку!

- Почему это меня? – возмутилась Лежебока.

- Ты самая крупная, даже в темноте. Я бы с тебя начала.

- Тем более что жадная, - прошипела Обжора. – Жила при столовой, а много ли нам-то от вас с бабой Галей перепадало?

- Всё, закрываем рот, выключаем камеру! – толкнула Обжору в бок Сплетница и пустилась догонять Спецназа и Предателя.

Спустя секунду на опушке леса остались лишь Мать и Турист. Мать бросила взгляд на молча стоявшего рядом с нею Туриста и с горечью произнесла:

- А про моих детей никто и не вспомнил.

- Я помню, - сказал Турист. – Я помогу их эвакуировать. А потом уйду.

Ну или до утра останусь.

Мать благодарно улыбнулась Туристу, и они побежали вдоль леса по направлению к реке Горячке.

ТЕРРОРИСТЫ ВСТАЮТ РАНЬШЕ БЕЗДОМНЫХ

Ночью Спецназу спалось плохо – беспокоил больной бок, не давали надолго забыться тревожные мысли. Лежал и ворочался, в пределах возможного, конечно. И на правый, распоротый, не приляжешь, и на левом боку, давно не штопаном, тоже плохо получается всё из-за неё же, из-за последней раны с расползающимися краями. Почистить бы её в условиях стационара, зашить бы, повязку стерильную наложить...

Но какой там стационар? В лесу ночевали. Не рискнул Спецназ тратить силы на путешествие до деревни. И хорошо, что Лежебока, Сплетница и Обжора

остались, чтобы по очереди караулить Предателя. Он, правда, обещал, что не сбежит, клялся даже, но Предатель есть Предатель. Но – не сбежал.

И утром, когда даже туман ещё не полностью рассеялся, Сплетница, Лежебока, Обжора, Предатель и Спецназ, заметно всё же за ночь окрепший, уже с изумлением рассматривали огромную свежеврытую яму, причудливо опутанную изогнутыми корнями росшей на южном склоне холма сосны.

- Здесь было! – вскричал Предатель и, пятась, начал сдвигаться в сторону.

- Стоять, Предатель! – приказал Спецназ.

- Внимание! – пропела Сплетница. – Последняя новость! Взрывчатки в тайнике нет!

- Сюда Таракан принёс, здесь закопал. Клянусь! – твердил Предатель. – Сюда! Мне землю есть?

- Перепрятал взрывчатку? С какой целью? Когда? Неужели уже сегодня, пока мы спали? – принялся вслух рассуждать Спецназ. – Ладно, выясним.

Он обнюхал лежащую у его ног кожаную перчатку, затем – яму.

Сплетница, Обжора и Лежебока проделали то же самое.

- Запах один и тот же, к тому же – свежий, - заключила Сплетница и бросилась догонять Спецназа, который уже бежал, склонив голову, к вершине холма.

Когда и Лежебока с Обжорой убежали за Спецназом и Сплетницей, Предатель, о котором все, кажется, забыли, потоптался в нерешительности, а затем, рассудив, что может считать себя амнистированным по полной, решил присоединиться к сородичам. И он, прихрамывая (вчерашний укус Фашиста всё ещё давал о себе знать), поднялся на вершину холма.

Спецназ, только что тут покрутившийся, теперь уже по тропинке, пересекающей северный склон холма, направлялся в сторону забора атомной станции. Обжора, Сплетница и Лежебока, также нюхая землю, бежали за ним.

А затем Спецназ резко, словно на стену налетел, остановился и громко чихнул. И один раз, и второй, и третий. Подоспевшие Обжора, Сплетница и Лежебока тоже начали чихать.

Предатель, понаблюдав за бурно чихающими ищейками, подбежал поближе и объявил:

- Всё ясно!

- Что тебе ясно? Апчхи! – спросила Сплетница.

- Табак! – сказал Спецназ. – Он присыпал следы табаком! Апчхи! Апчхи!

- Вообще-то... Апчхи! – чихнула Лежебока. – Эта тропинка к лазу ведёт.

- К какому... Апчхи! К какому лазу? – поразился Спецназ. – Все же устранены! Апчхи!

- Появился новый, - смущённо поведала Сплетница. – Это вон там, недалеко от Горячки. Если от КПП, то сразу за мостом. Будем считать... Апчхи! Будем считать, что я первой тебе это сообщаю.

Спецназ окинул собак гневным взглядом.

- Кто? Апчхи! Апчхи!

- Ну мы с Обжорой, - с усмешкой сказала Лежебока. – И другие нам помогали. Будешь наказывать? Ай! Ай! Это я репетирую.

- Извини, - сказала Спецназу Сплетница, - просили тебе не говорить. Было трудно.

Возмущению Спецназа не было предела.

- А вы понимаете, что Таракан мог видеть, как вы шастаете туда-сюда?! Вчера кто-то пользовался этим переходом на станцию?

- Я знаю! Я в курсе! – радостно выкрикнула Сплетница.

- Кто?

- Да та же Обжора. Причём – среди бела дня. Извини, Обжора, - бросила она подруге. – И Лежебока тоже. Извини, Лежебока. Хотя договаривались, что будем только с утрачка, до свету... Ну, пока охранники сонные.

- Я умереть с голоду должна была? – с вызовом обратилась к Спецназу Лежебока.

- Он же может воспользоваться! – с отчаянием в голосе проговорил Спецназ. – Ладно, иду сдавать. – И Спецназ, продолжая отфыркиваться, направился к забору станции.

- Я с тобой. Эй, Спецназ! – крикнула Обжора, срываясь с места. – Пока тебя обнаружат, пока дыру законопатят, я, глядишь, и подкормлюсь, - проговорила она, обгоняя притомившегося жожака.

Лежебока, Сплетница и Предатель обменялись взглядами, а затем пустились бежать по склону холма вслед за Спецназом и Обжорой.

СМЕРТЬ ВЫБИРАЕТ САМЫХ ЛУЧШИХ

Мать и Турист встретили Фашиста у моста через Горячку.

- Хотите, с первого раза угадаю, куда направляется милая парочка? –

ухмыльнулся Фашист. – Вместе поужинали, теперь вместе позавтракаете? А? Угадал?

- Мы просто друзья, - возразил Турист. – А друзья должны помогать друг другу.

- А, ну да, - состроил невинную улыбочку Фашист. – Дружба – бесценный дар. Друг всегда поддержит, протянет лапу помощи в любое время суток. Ему можно открыть все свои секреты и быть уверенным, что о них больше никто не узнает.

- На что ты намекаешь? – сердито спросила Мать.

- Просто, когда вас увидел вместе, появилось лирическое настроение. – Фашист взмахнул лапой и с лёгкой иронией продекламировал: - Когда печаль или ненастье, друзья к тебе полны добра! Друзья, спасибо вам за счастье, что наша дружба навсегда!

- Это ты сам сочинил? – поразился Турист.

- Нет, что ты, - несколько опечалился Фашист. – У меня и друзей-то нет. Вы же никто не хотите со мной дружить.

- Я думал, ты сам не хочешь, - сказал Турист.

- Ты угадал, Турист, я хочу другого, - посерьёзней Фашист и отвернулся. И тотчас вскричал: – Посмотрите-ка, и эти туда же!

Мать и Турист вскинули головы и увидели несущихся с холма Обжору, Сплетницу и Лежебоку, а также приотставших от этих троих Предателя и Спецназа.

- Это что же, мы всей толпой полезем? – возмутился Турист. – Зря я задержался.

- Эй! Мы первые! – прокричала конкурентам Мать и кинулась бежать по мосту через реку Горячку.

Обжора, Сплетница и Лежебока остановились и обернулись в сторону Матери, Фашиста и Туриста.

- Нет, мы первые! – не сказала, а пролаяла Обжора.

- Да, мы! – поддержала её Сплетница.

И Обжора и Сплетница, оказавшиеся самыми шустрými, бросились к бетонному забору станции, находившемуся в полутора десятках метров от них.

- Стой! – вдруг крикнула Обжоре Сплетница. – Тут что-то съедобное!

- Чур, моё! – рывкнула Обжора и выхватила из-под носа Сплетницы кусок красно-синего мяса.

- Ах ты, мерзавка! – справедливо вознегодовала Сплетница.

И подруги-соперницы вступили в яростную схватку, победительницей из которой вышла Обжора, сумевшая завладеть добычей и даже проглотить её, причём – с необыкновенной лёгкостью.

- Всё! Всё! – кричала Обжора спустя секунду. – Уже в кишечнике!

- А я тебя, зверюга, наизнанку выверну! – не отступала Сплетница.

- Отстань! Меня и в самом деле уже выворачивает.

Обжора начала кашлять и закатывать глаза. Подошёл тяжело дышащий Спецназ и глянул на Обжору, которую уже всю трясло и, что называется, колбасило.

- Что вы всё в рот сразу тащите? В пасть, извините. Не обнюхав даже. А если?.. – хотел ещё что-то сказать Спецназ, однако увидев, что Обжора упала и начала биться в судорогах, вскричал: - Отрава!

- Да, я сразу догадалась! – отскочила подальше от Обжоры Сплетница. – Я хотела помочь ей!

Спецназ кивнул.

- На обеих бы хватило, думаю. Тебе повезло, что не помогла.

Собаки окружили лежащую на спине и продолжающую биться в судорогах Обжору.

- Она помрёт? – задал вопрос Турист. – При переходе Уральских гор у моего попутчика, объевшегося шишками, случился запор и...

- Ты уже рассказывал! – перебила его Сплетница. – Помоги на бок перевернуть.

Сплетница и Турист перевернули Обжору на бок. Фашист приблизился к умирающей и обнюхал её.

- Похоже, в состоянии клинической смерти. Если бы ей промывание, искусственное дыхание и массаж сердца...

- Ей не помочь, - констатировал Спецназ. – И не вздумайте тут что-либо трогать. Это его рук дело.

- Но дети! – вскричала в панике Мать. – Они проснутся и пойдут на прогулку!

- Посади на карантин, - посоветовал Спецназ.

Фашист пожал плечами.

- Обжора из бывших. Обжора и не должна была выжить в суровых условиях реальной жизни. А твои щенки, Мать, в меня пойдут.

- В тебя? Ты уже когда-то позанимался их воспитанием? – огрызнулась
Мать.

- Фашист, я и тебе не советовал бы пробовать отравленную пищу, - сказал
Спецназ.

Сплетница приняла позу телеведущей.

- Внимание! Сообщение СОБАК-ТАСС: Обжора уже не шевелится.
Смерть выбирает самых... - Сплетница замешкалась, так как на язык просилось
одно слово, а следовало произнести другое. – Смерть выбирает самых лучших.
Моя подруга, кстати, - добавила со вздохом. Затем прикоснулась лапой к голове
Обжоры и окинула присутствующих скорбным взглядом.

- Да, необходимо похоронить. – Спецназ посмотрел сначала в одну
сторону, потом в другую.

- За холмом, под сосной, и могилка готова, - подсказала Сплетница.

- Да, там, пожалуй, - кивнул Спецназ. – Лучше бы, конечно, на холме, как
героиню. Чтобы когда-нибудь и памятник от благодарных...

- Ага, памятник собачьему идиотизму, - перебил Спецназа Фашист.

- Да-да, ничего никому не хватать! – встревоженно проговорил Спецназ и
вплотную приблизился к Обжоре. – Берём вчетвером. Лежебока, Турист,
Предатель, Фашист! – Спецназ переворачивает Обжору на спину.

- Считать до пяти на службе не научили? Или ты за хвост намерен
поддержаться? – насмешливо спросил у Спецназа Фашист.

- Он раненый, - вступилась за Спецназа Лежебока. – Мы с Туристом
возьмёмся за передние, но идём сзади, так как вперёд ногами положено.

Лежебока захватила зубами переднюю левую ногу Обжоры, а Турист
взялся за правую ногу умершей.

- А передние – не ноги? – усмехнулся Фашист. – Ладно, я участвую.
Может, тогда не вцеплюсь зубами во что не положено.

- И я! – торопливо сказал Предатель и, потеснив Спецназа, ухватил
Обжору за правую заднюю ногу.

- Ты собираешься лаз охранникам сдать. Не забыл? – напомнила Спецназу
Сплетница.

Спецназ кинул взгляд в сторону забора и переступил с ноги на ногу.

- Я помню... Но...

- Вот именно! – радостно вскричала Сплетница. – В самом узком месте –
самый лакомый кусок. Наверняка. Он сам тебе в пасть заскочит!

Фашист, только что ухвативший Обжору за левую заднюю ногу, разжал зубы и насмешливо оскалился, обернувшись к Спецназу.

- Сдать охранникам? О, да мы можем стать свидетелями ещё одной героической смерти.

- Идите-идите! – с раздражением сказал Спецназ. – Свидетели, понимаешь!..

Лежебока, Турист, Фашист и Предатель подняли Обжору и направились к вершине холма.

Сплетница ткнула нерешительно топчущегося на месте Спецназа.

- А ты не подумал, что взрывчатка уже на территории станции? Я, например, уже догадалась.

Спецназ нахмурился, и на морде его отразилась работа мысли.

- И что же делать? Если взрывчатка и Таракан уже там, то, как только он покинет территорию...

- Прав Турист, уходить надо, - кивнула Сплетница.

- Я остаюсь, - принял решение Спецназ. – Я его не выпущу!

И он, внимательно посматривая по сторонам и приюхиваясь, подошёл поближе к прорытому вдоль забора рву и взглянул на вросшие в дно рва бетонные плиты. Слева, около одной из плит, на глинистом дне рва, имелась яма. Спецназ сделал ещё несколько шагов, осмотрелся, затем улёгся на землю перед рвом, ширина которого в этом месте была около полутора метров, и устремил взор полыхающих огнём глаз на подкоп.

Да, это он хорошо придумал. Конечно же, надо дождаться Таракана у выхода с территории атомной станции и покончить с ним. А отыскать его за забором – дело очень непростое. Там же масса сбивающих с толку запахов, оставленных как людьми, так и различными транспортными средствами. Да и элементарно разминуться можно.

И, опять же, соваться в лаз, который, как точно подметила Сплетница, может быть заминирован... При этой мысли Спецназ похолодел. Да, ползёшь, ползёшь, а потом утыкаешься носом в ароматный кусок мяса, который сам, помимо твоей воли, естественно, запрыгивает тебе в пасть и проскакивает напрямиком в съёжившийся от голодухи желудок.

Когда с оправданием отказа соваться в лаз и проникать на территорию станции было покончено почти полностью, появились неприятные мысли о том, что вина за смерть Обжоры исключительно на нём. Он должен был сообразить,

что если Таракану не удалось их перестрелять на Эрвэпэдэ, то он предпримет какие-то иные меры. Должен был сообразить, однако не сообразил, не догадался, не просчитал, не спрогнозировал.

В МОГИЛУ – С ПОЛНЫМ КОМПЛЕКТОМ ЗУБОВ

Таракан, одетый в куртку и комбинезон ремонтного рабочего, идёт по дорожке между производственными зданиями и катит перед собою тачку, доверху гружённую битым кирпичом. За плечами у него находится больших размеров рюкзак, на вид пустой, а на поясе комбинезона закреплена сапёрная лопатка.

Таракан, конечно, надеялся, что вступать в разговоры с кем-либо, рискуя быть разоблачённым, не придётся, однако на всякий случай подготовился и к этому. Он перевязал голову белым платком таким образом, чтобы можно было подумать, что у него жутко болит один из коренных зубов. Для правдоподобности он имитировал и огромный флюс, разнёсший его правую щёку, запихнув за неё около десятка ватных подушечек.

Но с ним заговорили. Шествующие навстречу Таракану охранник Замшелов, худощавый, надменно-самодовольный тип, и сытенький и кругленький охранник Кухарик, с аппетитом поедающий что-то вроде беляша, вдруг остановились и с интересом уставились на встречного работягу в новенькой куртке со светоотражающими нашивками.

- Ты из какого блока? – поинтересовался Замшелов.

- М-м-м! – промычал Таракан и неопределённо взмахнул рукой.

- Из прикомандированных, наверно, - промямлил, прожёвываясь, Кухарик. – Что-то рожу его я не припоминаю. У тебя пропуск с собой?

- М-м-м, - промычал Таракан, максимально выпучив глаза, и опять неопределённо взмахнул рукой.

- В раздевалке, что ли? – спросил Замшелов. – Чего в больницу-то не идёшь?

Таракан указал на тачку с кирпичами и опять замычал, громче, чем прежде и, вроде как, жалуясь.

- Не отпускают, видимо, - с усилием глотая куски беляша, предположил Кухарик и махнул Таракану рукой. – Ладно, иди. И не затягивай с зубами.

- М-м-м, - ответил Таракан и покатил тележку дальше.

- Да, зубы – это мрак, когда они больные, - скривился Замшелов. – Хорошо, у меня пока нечасто такое. Почти все зубы в наличии. Тьфу-тьфу! Чур, не сглазить бы.

- Тьфу надо три раза говорить, - подсказал Кухарик, осматривая зажатые в руке остатки беляша.

- Я три и сказал.

- Ты два раза сказал, а действует, кстати, только если как положено, - не согласился Кухарик и постарался оставшийся кусок беляша, очень не маленький, запихнуть в рот целиком.

- Ты, обжора, смотри, не подавись. А два тоже нормально. Так что в могилу меня с полным комплектом положат.

- Это если вовремя помрёшь, - поторопился ответить Кухарик и, поперхнувшись, закашлялся.

Замшелов принялся похлопывать коллегу между лопаток.

- Предупреждал же. Так ведь и подавишься, если рядом никого не окажется.

ТУРИСТ БЕРЁТ ВЛАСТЬ В СВОИ ЛАПЫ

Лежебока, Мать, Сплетница, Предатель, Турист и Фашист стояли у свежего могильного холмика, прижавшегося к стволу вековой сосны, и молчали.

- Если никто ничего сказать не хочет, то уходим. Мои быстро бегать ещё не умеют, - наконец произнесла Мать и тревожно оглянулась.

Она приняла решение. Она заберёт детей и отправится вместе со всеми туда, куда поведёт Турист. Вероятно, это будет тяжёлое путешествие, и не путешествие даже, а исход, изнурительный и выматывающий. По крайней мере, для детей её, не сумевших ещё, что называется, встать на ноги. Точнее, на ножки, слабенькие, не достаточно окрепшие и ввиду возраста, и в связи со скудным питанием последних недель бездомного существования.

И как сложится дальнейшая жизнь сироток – Спецназ же, без сомнения, останется и погибнет, - предугадать сейчас не возможно. Может быть, если доведётся убраться отсюда в край далёкий и безопасный, удастся и пристанище найти ещё до того, как детки её, подорвав в пути здоровье, один за другим, отправятся в мир иной. Следует, во всяком случае, на это надеяться.

Громкий вздох Лежебоки прервал тягостные размышления Матери и

невесёлое молчание остальных.

- А что про таких, как мы, скажешь? Кхе! Кхе! Жила, жила и умерла, - изрекла Лежебока. – Это про тех, которые людям служат, книжки пишут и фильмы снимают.

- Я бы осталась на время, - сказала Сплетница. – Очень уж хочется стать автором репортажа о схватке Спецназа с Тараканом.

Фашист усмехнулся.

- Да на что там смотреть? Пиф-паф! Ой-ё-ёй! Это ж не уличная драка. Как говорится, можно бесконечно долго смотреть только на огонь, воду и уличную драку.

- Коротка жизнь, - задумчиво проговорил Турист. – Как Обжора не успела наестся до такой степени, чтобы уж и не хотелось никогда, так и я не смогу реализовать все маршруты.

Фашист окинул Туриста снисходительным взглядом.

- Ты чего это, философ-путешественник?

- Непонятно? – неодобрительно глянула на Фашиста Сплетница. – У могилы безвременно ушедшей подруги стоим.

Турист посмотрел на виднеющуюся за рекой Горячкой Эрвэпэдэ и вдруг заметно оживился.

- Однажды я, за Уралом дело было, приболел и на время остановился в колонии бобров.

- Ну-ну! – заинтересовалась Сплетница. – Это ты не рассказывал.

- Идёмте на Ржавую Выставку! – с воодушевлением произнёс Турист.

- Там-то чего забыл? Чемодан, что ли? – в усмешке скривил пасть Фашист.

- На месте объясню.

Турист сорвался с места и пустился бежать по восточному склону холма к мосту через Горячку. Остальные переглянулись, затем, не особенно охотно, побежали следом за Туристом.

Спецназ лежал рядом со рвом на травке и усталым полусонным взглядом смотрел на бетонные плиты забора и колючую проволоку над ними, когда его внимание привлёк топот ног бегущих собак. Обернувшись, Спецназ сначала обнаружил несущегося сломя голову Туриста, который, судя по всему, только что миновал мост через Горячку, а затем увидел приближающихся к мосту Сплетницу, Мать, Лежебоку, Фашиста и Предателя. Вскоре после моста, в самом

начале подъёма на пригорок, Турист остановился и принялся, суетливо кружась на месте, ожидать остальных. Потом он довольно долго что-то объяснял сгрудившимся вокруг него сородичам, указывая на виднеющуюся на взгорье Эрвэпэдэ.

Спецназ попытался вслушаться в то, что говорил Турист и что ему отвечали собеседники, однако особого успеха не достиг. Ну и ладно. Спецназ поднялся на ноги, встряхнул головой и принялся делать разминку. Он разомнёт суставы, а потом продолжит охоту на Таракана. Главное – набраться сил, избегая непродуктивной траты их, и окрепнуть в смысле общего состояния, что по причине ранения – задача очень не простая. Время, конечно, играет на него, однако сколько его, этого времени, в запасе? Да вряд ли больше, чем час или два. Ну, от силы, три. А потом – или пан или пропал.

Турист уже бегал вокруг ЗИЛ-130 и внимательно его осматривал. Фашист и Предатель делали то же самое, но без какого-либо энтузиазма.

- Сюда он прибыл своим ходом, на буксире. И даже колёса ещё не спущены. Ну, видите? – волновался Турист. – И стоит-то мордой как раз туда, куда надо.

- Без рулёжки всё равно не получится, - скептически заметил Предатель. Фашист скривился.

- О, да я в компании асов.

- А я и с дальнобойщиками ездил, пока не прогнали, - похвастался Предатель.

- И за что турнули? – спросил Фашист.

- А ни за что. Разгрыз рюкзак и еду их съел. Да и не съел, а так, намусорил немного – искал что повкуснее, - пояснил Предатель и добавил со вздохом: - Хочется иногда простых маленьких радостей собачьих.

Фашист запрыгнул на правую подножку и через пустой проём не имеющей дверцы кабины перебрался на сиденье. И принялся поглядывать в окна и любоваться видами – бездельничать, одним словом.

Спустя пять минут он высунулся из окна левой дверцы и не без пафоса заявил:

- А вообще терроризм – это реалии нынешней жизни. Акт терроризма можно приравнять к стихийному бедствию.

Мать, волокущая мимо кабины, к кузову, огромных размеров кусок брезента, остановилась и разжала зубы.

- Что?

Фашист выпрыгнул из кабины грузовика.

- Сильнейшие, говорю, выживут, Мать. Да, сильнейшие выживут в любом случае.

- А мои дети? – взволнованно спросила Мать. – Они же маленькие и беззащитные!

- Я лапой не пошевелю. Я – за естественный отбор. Понятна моя мысль неглубокая? А ты тащи. Ну, тащи давай! – Фашист кивнул на кусок брезента, лежащий у ног Матери.

- Дети – без защиты? – подступила к Фашисту Мать. – Это, по-твоему, естественно? Кстати, а где ты был, когда я готовилась стать матерью? Что-то я не припомню тебя среди моей свиты.

- Мало ли, дела были.

Фашист обошёл Мать, направляясь к задней части кузова, чтобы понаблюдать, как Лежебока и Сплетница (Лежебока внизу, а Сплетница наверху) затаскивают в кузов автомобильную покрывку.

- Да стесняется он, Мать, - закончив с покрывкой, сказала Лежебока. – Ростом-то не вышел. Кхе-кхе! Да и Спецназа боится.

- Я Спецназа боюсь? – с деланным удивлением пропел Фашист. – Он хоть знает, что такое уличный бой?

Сплетница подошла к краю кузова и бросила ироничный взгляд на Фашиста.

- Дела! Рост! А когда я всерьёз задумывалась о материнстве, ему тоже, видимо, дела и рост помешали проявить ко мне хоть чуточку внимания. Ты бы спину подставил – помог даме сойти.

Фашист отпрыгнул в сторону и со злобой прорычал:

- Послушай ты, нечёсаная болонка, ты и вообще не в моём вкусе!

- А, мы про вкусы заговорили. Ну, ты сам-то – красавчик. Почтище любого экстерьерного. Ха-ха! – сделала вид, что ей смешно, Сплетница и, легко коснувшись лапами услужливо подставленной спины Лежебоки, прыгнула на землю.

- Дура ты! Да скоро на всей земле останутся только такие, как я, средних размеров собаки без особых примет! – прокричал Фашист, после чего отошёл в сторону и, отвернувшись, уселся на травку.

- Не расслабляемся! – прокричал пробежавший мимо взмыленный Турист.

– Кузов должен быть максимально заполнен.

Ему не нравилось, что Фашист к работе до сих пор так и не приступил, а Предатель больше делает вид, что работает, чем вносит реальный вклад в общее дело. А спустя какое-то время, когда Турист, кряхтя от натуги, подтащил к правому переднему колесу ЗИЛ-130 длинную доску, бросил её, а затем разогнулся, то увидел, что Предатель с азартом грызёт шину переднего левого колеса.

- Ты что делаешь, Предатель? – вскипел на почве возмущения и искреннего негодования Турист.

Предатель отстранился, с видимой неохотой, от колеса.

- Просто на прочность проверял.

- А я что велел? Я велел землю перед колёсами подкопать!

- Извини, не успел, мой повелитель, - с пренебрежением, через губу бросил Предатель и с демонстративным усердием принялся разрывать землю перед колесом.

- Давай-давай! Сейчас вторую доску притащу. Должны встать как родные. Гладенькие досочки, уклончик... Что ещё надо?

Вышедший из-за грузовика Фашист кинул взгляд вслед убегающему Туристу.

- Смотри, как командует. При живом-то жожаке.

Предатель прекратил рыть землю, уселся и обернулся назад, вглядываясь вдаль.

- Да, живой. Вон его уши за мостом из травки торчат. Кстати, тот ещё жожек. Жожакище, я тебе скажу!

Фашист присел рядом с Предателем и прищурился.

- Ты о чём?

- А ты знаешь, что он на трассу побираться бегаёт?

Фашист выпучил глаза.

- Да ты что?!

- Да, садится на обочину и ждёт, не подадут ли чего, - с нехорошей улыбочкой поведал Предатель.

Из-за грузовика выскочила Сплетница.

- Что? Что?

- Что слышала.

- Кто бы другой сказал... - Сплетница выпучила глаза и удивлённо

покачала головой. И вдруг, задёргавшись, завопила: - Лежебока! Мать! Идите сюда!

Фашист пожал плечами.

- Ну а чё, правильно. Все должны знать, кто нас в бой ведёт, кто под красным знаменем раненый идёт.

- Вовремя его на пенсию вышвырнули, - подтвердил Предатель. – А тут ещё этот ирригатор-бобровед объявился. Что он может понимать?

Прибежали Мать и Лежебока, затем – Турист, не замедливший накинуться на Фашиста и Предателя.

- Чего встали-то? Давайте поторопимся!

- Ты, Предатель, похоже, из наших, - не обращая внимания на Туриста, проговорил Фашист.

- На простынях-то уж, во всяком случае, я, в отличие от некоторых, не спал. – Предатель обернулся к Туристу. – Турист, ты ведь во вдовьих покоях вырос, мне помнится?

- Я почти сразу, как хозяин помер, щенком ещё, сбежал от неё, - ответил Турист и повысил голос: - И давайте сделаем, наконец, что задумали!

- Что случилось? – спросила Лежебока. – Почему никто не работает?

- Спецназ, говорят, обыкновенный попрошайка, - вполголоса поведала Лежебоке и Матери Сплетница. – Туриста мужики тоже слушать не хотят. Будем следить за развитием событий.

А Фашист, между тем, поднялся, приглашающе мотнул головой Предателю и направился по пригорку вниз, в сторону моста. Предатель охотно вскочил, догнал Фашиста и равноправно потрусил рядом с ним.

- Отбор. Все и не должны... - Фашист пожал плечами. – Передряги – инструмент отбора. Запомни это, приятель.

Турист, стоявший и в растерянности смотревший вслед Фашисту и Предателю, оглянулся на Мать, Лежебоку и Сплетницу. Мать, Лежебока и Сплетница ответили ему выжидающими взглядами.

- Одним нам не сдвинуть, - проговорил Турист неуверенно и вновь обратил взгляд на удаляющихся Фашиста и Предателя.

Да понятно, что мужская сила Фашиста и Предателя крайне необходима. Вшестером-то они наверняка справятся. А вот если вчетвером, то вряд ли. Да точно не справятся, к бабке не ходи. Разве что пупки надорвут да шкуры свои пообдирают.

Турист встряхнул головой, весь передёрнулся с необыкновенной решимостью и бросился бежать к Фашисту и Предателю. Нагнав симулянтов, он, свирепо рыкнув, хватанул Предателя за бок, а затем вцепился зубами Фашисту в холку.

ЗЕМЛЯНЫЕ РАБОТЫ

Между стеной производственного здания и прилегающими кустами Таракан, встав на колени и ловко орудуя сапёрной лопаткой, копает яму. Рядом стоит тачка, наполненная битым кирпичом, лежат пустой рюкзак и ярко-красная металлическая коробка с надписями «SWEET RELLA» и «Assorted Chocolates».

ПО СОСТОЯНИЮ ЗДОРОВЬЯ И В СВЯЗИ С ВОЗРАСТОМ

Спецназ, у которого в зубах зажата кожаная перчатка, тяжело приземляется на все четыре лапы и разворачивается к Таракану, выхватывающему из ножен кинжал, лезвие которого сверкает на солнце. Спецназ отбрасывает в сторону перчатку и прыгает на Таракана. Таракан делает шаг в сторону, уклоняясь от столкновения со Спецназом, и бьёт того ножом в бок. Спецназ, взвизгнув, падает на землю и кувыркком катится в кусты.

Уснувший Спецназ крупно вздрогнул и, широко распахнув испуганные глаза, вскинул голову. Затем он вскочил на ноги и торопливо огляделся. Нет, он не на южном склоне холма, где у него вчера состоялась схватка с Тараканом, но... Спецназ бросил взгляд на бетонный забор и попятился назад. Вчера он был здоров, как... Ну, достаточно здоров был, а первый бой Таракану проиграл вчистую, потому что порванная перчатка в зачёт не идёт ни по каким критериям. Хотя она, без сомнения, стильная и даже, возможно, вещь брендовая...

Чёрт! Куда-то не туда понесло. Надо всего лишь трезво оценить свои шансы на победу и соответствующим образом подготовиться. А для этого необходимо... Да, день бы, а лучше – два, и он восстановился бы в полной мере.

Однако этих двух дней у него нет. И потому он может рассчитывать лишь на силу духа и негибаемый характер, на личное мужество и пример героев прошлого. И не обязательно – давно прошедшего прошлого. Даже совсем, кажется, недавнего.

И Спецназ вспомнил Глашу, минно-розыскную богиню, в которую когда-

то, будучи ещё совсем юным, гладкошёрстным, влюблён был без памяти. Она, хрупкая, скромная, никогда не повышавшая голоса блондинка, погибла при исполнении служебных обязанностей. Ей кричали все: «Бросай! Бросай, Глаша!» Но она не могла допустить, чтобы погибли люди. А сама погибла. И в гроб-то положить нечего было, кроме именного наградного ошейника, хранившегося в тумбочке старшего прапорщика Карасикова.

Неясный шум непонятого происхождения достиг ушей в очередной раз задремавшего Спецназа. Спецназ вскочил и торопливо осмотрелся. И увидел ЗИЛ-130, который, виляя, двигался от Эрвэпэдэ к реке Горячке. Спецназ кинулся к мосту, однако пробежав десяток шагов, остановился в нерешительности, обнаружив, что скорость съезжающего с пригорка автомобиля постепенно увеличивается, а потом и вообще, пятясь, сдал назад.

Спустя секунды ЗИЛ-130 докатился до реки Горячки и резко подпрыгнул, ударившись передними колёсами о внушительных размеров бугор на самом краю берега реки. В этот миг из кабины грузовика вылетел кувыркающийся в воздухе Предатель, и Спецназ зажмурился и, закрывая голову передними лапами, лёг на землю. И услышал грохот рухнувшего в русло реки грузовика.

Спецназ открыл глаза и приподнял голову. Он увидел бегущих с пригорка, от Эрвэпэдэ, Туриста, Сплетницу, Фашиста, Мать и Лежебоку. Спецназ вскочил и подбежал к мосту. На мосту он остановился, бросил взгляд вправо, на завалившийся на левый бок и перегородивший реку Горячку ЗИЛ-130, затем с гневом во взоре уставился на приближающихся Туриста, Сплетницу, Фашиста, Мать и Лежебоку.

- Что это такое? – недовольно крикнул он.

Собаки, даже не взглянувшие, кажется, в сторону Спецназа, остановились у реки, неподалёку от моста, и, восторженно выпучив глаза, смотрели на бьющиеся о грузовик воды Горячки.

- А где Предатель? – спохватилась Сплетница. – Предатель погиб? Я должна зафиксировать это первой!

Из травы показался поднимающийся на ноги Предатель.

- Зафиксируй, если получится. Пульс щупать будешь? На зеркальце подышать?

Все поспешно обернулись.

- Нет-нет, я даже рада, что ты жив остался, - заверила Сплетница.

Турист выбежал на мост и бросил взгляд на грузовик, лежащий в

нескольких метрах от моста.

- Поднимается! – обрадованно прокричал он. – Вода уже поднимается!

Дальше моста никому не ходить!

- Что здесь происходит? – прорычал Спецназ.

- Перекрыли речку. Сейчас вода хлынет обратно и затопит, по моим прикидкам, забор вместе со рвом по всему периметру, - поделился радостью Турист.

- Та-а-ак, - грозным голосом произнёс Спецназ, - вредительство, значит. Я просто вынужден реагировать!

Турист пожал плечами и улыбнулся.

- Да перестань. Теперь Таракану не выбраться.

К Спецназу и Туристу подбежала Сплетница.

- Кстати, - обратилась она к Спецназу, - полномочия передай, рядовой бездомной стаи.

Спецназ грозно ощерился.

- Что?!

Сплетница отпрыгнула в сторону.

- А что? Мы тут подумали и решили, что у Туриста руководить лучше получится.

Спецназ ошеломлён.

- Туриста на... Туриста – вожаком?!

Подошла Лежебока.

- Предлагаю считать, что по состоянию здоровья и в связи с возрастом, - примирительно сказала она и посмотрела Спецназу в глаза. – Вполне безобидная формулировочка, согласись.

- Не будь ты... - с трудом сдерживаясь, проговорил Спецназ. – Будь ты мужиком, я бы тебе такую трёпку задал!

Спецназ повернулся к Туристу, пригнул голову и принялся сверлить противника грозным взглядом. Турист заметив, что шерсть на загривке Спецназа вздыбилась самым радикальным образом, предусмотрительно отступил на несколько шагов назад.

- Турист, не бойся. Ты его за распоротый бочок хватани, он и успокоится, - посоветовал Предатель.

- Я же временно, - примирительным тоном произнёс Турист, обращаясь к Спецназу. – И вообще, можешь задним числом санкционировать!

- Ага, будем ждать, когда кто-то каким-то там задним числом... -
насмешливо заговорил Фашист.

Спецназ резко развернулся в сторону Фашиста. Фашист резко отбежал к забору, бросил взгляд на ров, прорытый вдоль забора, затем обернулся к грозной поступью покидающему бревенчатый настил моста Спецназу.

- Вот только пугать меня не надо, ваше звероподобие, - с вызовом в голосе сказал Фашист. – Или решил поглядеть, как ров водой заполняется? А, попрошайка?

Спецназ замер на месте, и шерсть на его загривке плавно опустилась, а на морде появилось выражение растерянности.

- Э, с разборками поторопитесь, - усмехнулась Сплетница. – Я уже представляю, какой шухер на станции щас поднимется.

Турист подошёл к Спецназу.

- Объявят какой-нибудь там уровень опасности, оранжевый, например, - Таракан и попадётся.

Сплетница радостно вскричала:

- Да, бежим к проходной! Я должна увидеть Таракана в наручниках! По ощущениям это, наверно, как на поводке и в наморднике!

- Нет, мы будем патрулировать периметр! – громко, максимально твёрдым голосом произнёс Спецназ. – Всех, кто не подчинится приказу...

- Я не подчинюсь! – выкрикнула Сплетница. – А Турист с раненым драться не будет!

И она бросилась бежать по дороге Эм-2 в восточном направлении.

- Ты уж сам, ладно? – нагло улынулся Спецназу Фашист. – Но это если Турист разрешит.

Фашист, кивнув Предателю, неторопливо побежал следом за несущейся во весь опор Сплетницей. Предатель поспешил присоединиться к приятелю. Спецназ, намеренный кинуться в погоню, резко дёрнулся, однако тотчас же, кривясь от боли в боку, замер на месте.

- Надо быть открытым для инноваций, - сказал Турист, с довольным видом осматривая рукотворную запруду. – И вообще, на воду дуешь, Спецназ.

Спецназ решает обратиться к Матери и Лежебоке.

- Мать! Лежебока! Мы должны победить или умереть!

Лежебока покачала головой.

- Умереть героем – это то, что нужно тебе. Тебе, но не нам.

- Мне детей поднимать. Одной, видимо, как всегда, - вздохнула Мать и добавила не без укора: - Даже не брать из чужих рук научить некому.

И вот уже Спецназ вынужден смотреть вслед удаляющимся Матери и Лежебоке. Он бессилен. Ничего он не может сделать. Не в его это власти. Разве что...

Спецназ оборачивается к Туристу.

- Верни их, - произносит он, делая над собою усилие. – Вернёшь – прощу за самоуправство.

Турист взглянул на заливаемый водой ров и помотал головой.

- Нет, надо отсюда подальше держаться. Отрава всплывёт – кто-нибудь да схватит.

- Жизнь одной собаки по сравнению... - начал Спецназ.

- Бездомной, ещё скажи. А попробует через проходную ломануться – мы охранникам поможем.

Турист по дуге огибают Спецназа и убегает вслед за остальными собаками.

Догнать! Вернуть! Заставить! Но... Да, это ещё догнать надо. О-хо-хо!

Спецназ постоял, невесело поглядывая по сторонам, а затем побежал, удаляясь от моста, по просёлочной дороге Эм-2, идущей вдоль забора на запад. Кое-где вода уже достигла дороги, и образовались лужи, которые приходится огибать, отклоняясь в направлении вершины холма. Добежав до места, где забор, а вслед за ним и дорога уходят под прямым углом направо, Спецназ остановился, осмотрелся и повернул обратно.

МЕТОДЫ МЕЖВИДОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Сплетница сидела в десятке метров от металлических ворот, примыкающих к зданию КПП атомной станции, и громко выла. Получалось, как она полагала, просто замечательно. Ну, естественно, не так, как у соседского лабрадора Марчи, - тот вообще был мастер художественного воя. Такие рулады Марчи осенними ночами выводил, что его хозяина Юру соседи не один раз бить приходили. Но Юра не выходил, прятался и названивал по всем телефонам экстренных служб. А потом и сам не вытерпел – отдал певуна в хорошие руки. Но это так говорится. Сгинул, в общем, Марчи. Если бы действительно в хорошие руки, то Татьяна, жена Юры, не ходила бы целый месяц с красными

глазами и хлюпающим носом.

Прибежавшие Фашист и Предатель с изумлением уставились на завывающую Сплетницу.

- Ты чего разошлась? – наконец выговорил Фашист и непонимающе посмотрел по сторонам.

Сплетница прекратила выть и обернулась.

- А что? Вой – язык международного общения. Только нужно всем вместе.

- Раньше, говорят, люди знали, что вой собаки – это к беде, - высказался Предатель.

Ну а почему бы, в конце концов, и не повыть, раз такой случай предоставляется, рассудили Фашист с Предателем и присоединились к Сплетнице. Петь хором, не имея привычки сформировавшейся, не порепетировав даже, - дело не простое. Поэтому получалось не ахти как музыкально, однако за душу брало. И спустя непродолжительное время из здания КПП вышел Замшелов и направился к Сплетнице, Фашисту и Предателю.

Фашист прекратил выть и кивнул на Замшелова.

- Оценили – один уже идёт аплодировать.

Предатель, а потом и Сплетница с Фашистом отбежали на пару десятков метров и остановились, продолжая наблюдать за Замшеловым.

- А ну вон отсюда! – грозным голосом приказал Замшелов. – Я патронов не пожалею!

И он со свирепым выражением лица похлопал ладонью по висящей на боку кобуре с пистолетом.

- А мы будем стоять, как мишени в тире, и ждать, - насмешливо произнёс Фашист.

- Ты, Фашист, погрызайся ещё! Разгавкался тут. Вон отсюда!

Замшелов погрозил кулаком и, повернувшись, направился к КПП.

Фашист усмехнулся.

- Нагнал страху и пошёл себе спокойненько в нарды играть. Грозный, как наш предводитель.

- Да нет, Замшелый на тебя похож. И тоже злой, - сказала Сплетница. – Вы же, как два брата, только по причёскам и отличишь. Он как-то тут напился и с четверенек подняться не мог, так я его, поклянусь чем хочешь, чуть за тебя не приняла. А вот начальник ихний, Капралов небезызвестный, тот да, на Спецназа

очень даже смахивает. И рычит не хуже.

Подбежали Лежебока, Мать и Турист.

- Что он хотел? – спросил Турист.

- Да поговорить за жизнь, видимо, а языка-то и не знает, - ответил

Фашист.

- А сигнальные стойки? Знаком с ними кто-то? Я, кажется, ошибся – вода сюда не дойдёт, - встревоженным голосом проговорил Турист и вздохнул.

Сплетница радостно подпрыгнула.

- Я знала! Я предвидела!

Фашист бросил на Сплетницу презрительный взгляд и обернулся к Туристу.

- Ну я, допустим, мог бы объяснить не совсем бестолковому челу, что вот здесь, например, бомба. Но где это «здесь»?

- На территории станции, - подсказала Сплетница.

- Где-то на территории, - сделал ударение на слове «где-то» Фашист.

- Пойду к детям, - объявила Мать и убежала.

- А ты про аплодисменты очень кстати, - с довольной улыбочкой сказала Фашисту Сплетница. – Понял, к чему я? Искусство служит межвидовой коммуникации.

- Поконкретней нельзя? – недовольно произнёс Фашист.

- Что ты имеешь в виду? – заинтересовался Предатель.

- В театре кто-нибудь бывал? Там собаки ходят на задних лапах. Их, правда, люди играют.

К разговору подключился Турист.

- К чему ты клонишь?

- На задних лапах, говорю, - начала терять терпение Сплетница, - кто-нибудь, кроме меня, умеет ходить?

На лице Предателя появилась самодовольная улыбка.

- Ходить – не очень, а стоять могу. Очень это всяких, извините за выражение, мадам и вумэн умиляет. «Ах, какой милый! Ах, какая прелесть!» - начинают пищать и рыться в сумочках. А я смотрю на них и думаю: «Ни черта-то вы в собаках не разбираетесь».

Сплетница окинула Предателя оценивающим взглядом.

- Ты, конечно, похож на Таракана, но... - Сплетница взглянула на Фашиста. – Но твой типаж, Фашист, больше всего подходит.

- Какой типаж? О чём ты?

- На задних лапах, спрашиваю, передвигаться можешь?

- Мы все учились понемногу... - нахмурился Фашист, подозрительно косясь на Сплетницу.

В эту минуту дверь КПП приоткрылась, и чья-то рука выбросила нечто рыжее и пушистое округлой формы. Прокатившись по земле несколько метров, рыжий шар превратился в неуверенно стоящую на расставленных в стороны лапах Эйлу.

- Поглядите-ка! – вскричала Сплетница. – Именно чего-то подобного я и ожидала!

Эйла, между тем, уже огляделась и даже предприняла попытку прошмыгнуть мимо компании взрослых.

- Стой, маленькая негодяйка! – приказала Лежебока.

Эйла замерла на месте, затем обернулась и проговорила в высшей степени почтительным тоном:

- Миссис, позвольте мне откланяться, меня сестра и братья ждут.

- Надеются, что опять им ногу индейки притащишь? – Лежебока обернулась к сотоварищам. – К бабе Гале повадилась. Кстати, какой-то свой маршрут у неё.

Сплетница кинулась к Эйле.

- Ты, э-э, как тебя? Тебя ведь мамашка твоя маленькой леди называет?

- Эйла.

- Так вот, Эйла, ну, или как там тебя... - разволновалась Сплетница. –

Рассказывай всё сейчас же!

- Что рассказывать? – спросила Эйла и постаралась соорудить мордочку попроще.

- Как на территорию пробираешься?

- Под воротами пролезаю, - ответила Эйла. – Я ложусь и становлюсь плоская, как на картинке. И пролезаю. Когда в животе ничего нет, то получается быстро и почти не больно.

- А сегодня попалась? Да? Как так? – продолжала расспрашивать Сплетница.

- Сегодня она без индейки, - не без торжества в голосе прокомментировала Лежебока, ревновавшая к бабе Гале всех собак.

- Попалась-то как? – окатив Лежебоку недовольным взглядом,

продолжила наседавать на Эйлу Сплетница.

- Я увидела Таракана, побежала и попалась.
- Так-так, тебя взяли, как я поняла, а Таракана?
- Нет, он был с тележкой, - помотала головой Эйла.
- С какой тележкой?
- Он кирпичи вёз.

Сплетница обернулась к стоящему рядом с нею Фашисту.

- На работу, что ли, устроился? – произнесла она с недоумением.

Фашист ухмыльнулся.

- А меня это ну вот ни капельки бы не удивило. Для них что нас, верой и правдой им служивших, прогнать, лишив куска хлеба... Ну, мяса, конечно. Хлеб сами пускай жуют. Им что нас прогнать, что террориста трудоустроить...

На минуту воцарилась тишина, потому что ни у кого из присутствующих не нашлось слов возражения. Так и есть всё. Люди несправедливы. Уж кому, как не собакам, многие тысячи лет бок о бок прожившим с людьми и бескорыстно им служившим, не знать об этом. Да каждый представитель вида мог бы немало порассказать о неприглядных поступках не только хозяев и членов их семей, но и совершенно посторонних двуногих, так или иначе контактировавших с лучшими друзьями человека.

КИРПИЧИ С НАЧИНКОЙ

Таракан стоит на коленях около свежерытой ямы, вплотную примыкающей к стене производственного здания, и перекладывает из тачки в рюкзак осколки битого кирпича. Последний из находившихся в тачке кирпичей, почти целый, имеющий лишь один небольшой скол, он берёт двумя руками и внимательно осматривает. Затем, ухватившись большим и указательным пальцами правой руки за небольших размеров петлю в срединной части кирпича, тянет её вверх, в результате чего с кирпича снимается опоясывающая его сантиметровой ширины лента.

Таракан отбрасывает её в сторону и с правой половинки кирпича снимает, словно колпак, «кирпичную» оболочку, под которой обнаруживается торчащий из левой половинки кирпича брусок светло-коричневого цвета.

СПЕКТАКЛЬ И НОВЫЙ ПЛАН НЯНЬКИ И ПОМОЩНИКА

Сплетница, Лежебока, Турист и Предатель стояли в двух десятках метров от КПП, а Фашист, передвигаясь на задних лапах, тащил зажатый в зубах увесистый камень. Приблизившись к входу в здание КПП, около которого стояли начальник охраны Капралов и охранник Замшелов, Фашист бросил камень на землю и принялся закапывать его. Сначала задними лапами, а потом и передними.

- Во-во, передними! – обрадованно прокричала Сплетница. – Верю! На все сто верю!

- Ну что тут скажешь? Артист. Зарываешь талант свой, Фашист! – восхищённо проговорил Предатель и обрадованно воскликнул: - О, стихи получились!

- И головой по сторонам верти, как будто боишься, что заметят, - подсказал Фашисту Турист.

Фашист сделал испуганную морду, повертел головой по сторонам и принялся пятиться, удаляясь от присыпанного землёй камня.

- Отлично! Bravo! – одобрила Сплетница.

Капралов и Замшелов переглянулись.

- Третий раз уже, говоришь? – начальственно хмурясь, поинтересовался Капралов.

- Ну да, спектакль какой-то устроили, - пожал плечами Замшелов. – А сначала просто выли.

Капралов решительно помотал головой.

- Но это не собачья свадьба.

- Нет, конечно, - согласился Замшелов. – Свадьбу я знаю.

- Да наплевать, - махнул рукой Капралов. – Смотри только, чтобы на территорию не проскочили, когда ворота открываешь.

И Капралов с Замшеловым скрылись за дверью здания КПП.

- Ну что ж, все развлеклись, а я так ещё и новую профессию освоил. Что дальше? – оглядывая своих поклонников, спросил новоиспечённый артист.

Ответа не последовало. Похоже, только после озвученного Фашистом вопроса все и задумались о дальнейших действиях. Выдержав паузу, Фашист громко хмыкнул и обратил взор свой на впавшего в состояние глубокомыслия Туриста. Так как сделано это было более чем демонстративно, то и Сплетница, Лежебока и Предатель, незамедлительно развернувшись, также уставились на

Туриста.

- И что, Турист? – сверля насмешливым взглядом принявшегося топтаться на месте Туриста, проговорил Фашист. – От напряжения мысли в голове скисли?

Предатель толкнул Фашиста.

- А ты сам.

- Что? – не понял Фашист.

- Говорил про уличный бой, а с Туристом справиться не смог.

- Да просто не захотел. Это тоже к правилам выживания относится. Да и вообще, вы-то все... Ну, не будем об этом. А мне что, с подпорченной шкурой дальше жить?

Сказал, что не захотел. Сказал, что шкуру не захотел портить. А на самом-то деле что выходит? Он, Фашист, считающий себя достойным быть лидером, более того – фюрером, единолично и самодержавно управляющим и этой стаей, и остальными из проживающих на сопредельных территориях, не сумел одолеть Туриста, безродного, непонятных кровей собачёныша. А как быть с верой в собственную исключительность и избранность? И что это за исключительность такая половинчатая, когда имеется убеждённость в способности выйти победителем из всех катаклизмов, как природных, так рукотворных (руками человек сварганенных), и при этом опасаться лап и зубов изгоев собачьего мира?

Да, с теоретическим обоснованием идеологии ещё работать и работать. Или, - при этой мысли Фашист поёжился, - не годится он, лично он, в поводыри собачества. А кто годится? Выходит, тот, кто готов рисковать и шкурой, и даже жизнью во славу и торжество идеи. Идти, как говорится, на амбразуру.

И опять тупик. Ну, рванул на амбразуру. Ну, поставили тебе памятник на могилку. А фюрера выберут из уцелевших, из тех, значит, кто сам, собственным тельцем на амбразуру не укладывался.

Фашист повеселел. Да всё правильно он делает. И поменьше надо умничать. Просто быть уверенным в себе, харизматичным таким казаться. Да, харизматичным и, конечно, ироничным и саркастичным.

Фашист состроил улыбку, в высшей степени ироничную, по виду – просто классическую, и обратился к Туристу:

- Ну, какие будут предложения по спасению твоих подопечных, босс, а также прочего человеческого люда?

Туристу хотелось сказать, что он сейчас просто развернётся и отправится в своё очередное путешествие, но всё как-то язык не поворачивался. А шея очень даже поворачивалась, и он продолжал старательно отводить взгляд в сторону. И доотводился. Он увидел приближающегося Спецназа и конвоируемых им щенков.

- Это ещё что такое? – вскричал он взволнованно.

А Сплетница, она тоже увидела щенков, и вообще подпрыгнула радостно и возопила восторженно:

- Вот чего-то подобного я и ожидала! Вот такого вот чего-то!

- Ну да, Спецназ заделался нянькой, - усмехнулся Фашист.

Спецназ остановился напротив Туриста и негромко сказал:

- Ты говорил, что можно уйти и стать бродягами.

Турист покачал головой и грустно улыбнулся.

- Далеко нам, тем более – всей толпой, с детьми, уже не уйти. Раньше надо было.

- Надо попробовать, - стараясь говорить почти шёпотом, произнёс Спецназ. – Если получится, я стану хорошим отцом и буду заниматься воспитанием детей.

- Я знала, что Спецназ только с виду крутой! – обрадовалась Сплетница, подслушавшая разговор Спецназа с Туристом. – Будешь деток понтам, Спецназ, обучать?

- Турист будет гидом, а Спецназ его помощничком, - с иронией заметила Лежебока. Оказалось, она тоже всё слышала.

- А вы сами-то? А вы-то? – вскинулся Спецназ.

Лежебока пожала плечами и насмешливо улыбнулась.

- Ну дак... Каков поп, таков и приход.

Десять минут тому назад притомившийся Спецназ, ещё не вполне оправившийся после ранения, вяло бежал, приближаясь к мосту через Горячку. И не только ноги его заплетались, цепляясь периодически одна за другую, но и мысли путались. Поэтому когда, в очередной раз подняв голову и бросив взгляд вперёд, он обнаружил в поле своего зрения некое мельтешение чего-то мелкого и невразумительного, то даже не сразу сориентировался в обстановке.

Осознав же, что перед ним играющие около моста в пятнашки щенки, закричал:

- Стоять! Никому не двигаться!

Щенки на секунду замерли на месте, посмотрели на Спецназа, а потом продолжили носиться друг за другом.

Спецназ кинулся вперёд, пробежал оставшиеся три десятка метров и схватил Финли, серого остроухого щенка, он первым подвернулся, за холку. Затем бросил его на землю и прижал лапой.

- Имя! Как тебя звать?

- Финли, - ответил остроухий. – Каждый раз будешь спрашивать?

Финли вывернулся из-под лапы Спецназа, поднялся на ноги и встряхнулся, приводя себя в порядок.

Спецназ поднял голову, глянул строго на замерших в позе ожидания Норри, Эйлу и Юну и приказал:

- Ко мне!

- Что такое? – не двигаясь с места, возмутилась Эйла. – Мы играем.

- Команду «ко мне!» никто не знает? Почему вы здесь? За мной в колонну по одному становись! Еду увидите – не трогать!

- Колонна – это разве не вверх? – с недоумением вытаращив глазёнки, высказалась Юна.

- В колонну и шеренгу ты нас с Норри строил, - сказал Спецназу Финли и кивнул в сторону Норри. – Но мы тогда ещё маленькие были.

Спецназ бросил взгляд на сидящего неподалёку Норри и вновь повернулся к Финли.

- Ты старший или Норри?

- Эйла, - помотал головой Финли. – Она больше всех на бабушку похожа.

- Ах да, бабушка! Наслышан. Та, которая аж в самой Шотландии овец пасла! – скривился в усмешке Спецназ, а затем строго произнёс: - Строем надо ходить, а не как стадо овец. Дорогу домой помните?

- Зачем? Нас мама и так найдёт, - возразила Эйла.

Спецназ мотнул головой в сторону моста.

- Все за мост и – прямо по дороге. По лужам не бегать и ничего зубами не хватать. Я буду сзади. Ну!

Щенки вынуждены были подчиниться. Гурьбой, мешая друг другу, они выбежали на мост, перебежали по нему на другой берег Горячки и потрусили по дороге. Спецназ огляделся по сторонам, бросил взгляд назад, а затем побежал следом за щенками.

И вот он здесь, у КПП. И ему предлагают занять должность помощника

новоявленного вожака.

- Мы тут пытались с твоими бывшими коллегами поговорить... - сообщил Спецназу Турист.

- Но, похоже, в охранники самых бестолковых отбирают, - перебил Туриста Фашист.

- А Таракан и в самом деле давно уже на территории, - торопливо поведала Сплетница и указала на Эйлу. – Вот эта вот чертовка его там собственными глазами видела.

Прибежала Мать, пребывающая в состоянии крайнего возбуждения, и кинулась к Норри, Финли, Эйле и Юне.

- Что вы здесь делаете? Эйла, отвечай!

- Давай без паники, - надменно взглянула на неё Эйла. – Просто гуляем. Сплетница подскочила к Матери и затараторила:

- Эта рыжая, прикинь, была на территории. Потом, Мать, я лично велела ей отправиться домой, а она вместо этого... Да вот Спецназ их где-то нашёл и в няньки к ним...

- Уведи их, - попросил Мать Спецназ. – И глаз не спускай. Я их у моста выловил.

- Ты же сам хотел их воспитанием заниматься, - с деланным удивлением обратилась к Спецназу Сплетница.

- Я передумал, - буркнул Спецназ и развернулся к соплеменникам. – Мать уводит детей, а вы идёте на прорыв, - объявил он заметно окрепшим голосом. – Все. Предупреждаю: тому, кто попытается увильнуть, не поздоровится.

- О, да у нашего командарма и план, никак, имеется, - с усмешкой сказал Фашист.

- Да, я обеспечиваю прорыв, а вы все под командованием Туриста...

- Я что-то запугалась, - перебила Спецназа Сплетница и подскочила к Туристу. – Турист, ты где, вообще? Или у меня одной со слухом что-то?

Турист чуть отступил от насевшей на него Сплетницы, а затем, стараясь говорить максимально твёрдым тоном, сказал:

- План Спецназа утверждаю.

Спецназ резко обернулся к Туристу, словно намерен был что-то сказать, однако промолчал.

- Ну-ну! – оживилась Сплетница, без внимания которой не осталось последнее движение Спецназа. – Всё должно быть по правилам. Чин-чинарём,

как говорится.

- Тебе не всё равно, чьи приказы выполнять? – попробовал возмутиться

Турист.

Сплетница округлила свои глазищи.

- А вот представь. И я, прикинь, не одна тут такая.

Спецназ скрипнул зубами. Ну что ж, он не гордый. Хотя, может, и гордый, но... Да, главное – дело. И Спецназ сделал этот шаг. Он шагнул по направлению к Туристу и демонстративно поджал хвост.

- Разреши... на исходную, - произнёс он глухим дрогнувшим голосом.

- Да-да, разрешаю, - поспешно ответил Турист и после паузы добавил: - Но... тебя же пристрелят.

- Я буду действовать под видом... Ну, в общем, увидите. Чего мне терять?

Спецназ отвернулся от Туриста, а затем, с опущенной головой, хромая и пошатываясь, направился к КПП и вскоре улёгся в нескольких метрах от ворот.

НЕПРИЯТНАЯ НЕОЖИДАННОСТЬ

Таракан подходит к бетонному забору станции и с удивлением на лице смотрит на лужу воды у забора. Он бросает взгляд влево, затем вправо – всюду разливы воды, подступающие к основанию забора. Он ошибся? Он что-то перепутал? Да нет, вроде. Здесь, именно в этом месте, он и вылез из-под забора, воспользовавшись собачьим лазом, который теперь залит водой. И откуда она взялась, вода эта, если совсем недавно её не было и не предвиделось?

Таракан присел на корточки, потрогал воду в луже рукой, затем поднёс эту руку к лицу и втянул носом воздух. Вода, без сомнения, производственного происхождения, потому что тёплая и вонючая. Однако какого чёрта? Почему? Откуда она, чёрт подери, взялась?

Таракан поднялся и направился вдоль забора вправо.

НА ПРОРЫВ ИДУТ ВСЕ, ДАЖЕ ДЕТИ

Когда створки тяжёлых металлических ворот КПП, поскрипывая, расплзлись в стороны, Спецназ увидел, как водитель грузовика, рыжий длинноволосый парень, принимает от Замшелова документы и усаживается в стоящий за линией ворот грузовик. А со звуком захлопываемой двери кабины

автомобиля Спецназ быстро поднялся на ноги и, усиленно хромя и жалобно поскуливая, подбежал к Замшелову и уткнулся ему в ноги.

- Пошёл вон, Спецназ! – отшатнувшись, закричал Замшелов.

Однако Спецназ встал на задние ноги, положил передние лапы на грудь Замшелова и, продолжая скулить, принялся демонстрировать желание лизнуть Замшелова в лицо. Замшелов панически задёргался, стараясь максимально отстраниться от Спецназа и оттолкнуть его подальше от себя.

- Уйди, псина! Пошёл вон, вонючка! – выкрикнул он громко и с привизгом.

Спецназ обернулся назад и бросил взгляд на сидящих в двух десятках метров Туриста, Фашиста, Сплетницу, Лежебоку и Предателя.

- Пора! – сказал Турист.

И Турист, а затем и Сплетница, Фашист и Лежебока вскочили и кинулись к воротам КПП. Предатель тоже поднялся и принялся в нерешительности топтаться на месте. К нему подбежала Мать, до этого сидевшая со щенками на некотором удалении от остальных и зарычала:

- А ты чего встал, Предатель?

- Да подожди ты! – отмахнулся Предатель.

- Я тебя сейчас чем-нибудь стукну! Вперёд!

Мать принялась толкать Предателя и тут увидела выскочивших из-за её спины Норри, Финли, Эйлу и Юну. Они, её дети, бежали навстречу выезжающему из ворот КПП грузовику. А уже спустя секунду Мать с ужасом наблюдала, как Норри, Финли, Эйла и Юна скрываются под автомобилем.

Мать испуганно присела на задние лапы, вскинула взгляд и увидела поверх рулевого колеса собственную морду. Мать встряхнула головой – нет, это ей показалось. Просто водитель чем-то похож на неё, убийцу собственных детей.

И Мать вскочила и бросилась следом за щенками. В самый последний момент она увернулась от чуть, было, не зацепившего её переднего левого колеса грузовика и едва не столкнулась с выскакивающим из ворот Спецназом.

- А ты куда? – крикнул Спецназ.

Он развернулся и увидел, как Мать пробегает между съезжающими створками ворот, одна из которых успевает ударить её в бок.

К Спецназу подбежал Предатель.

- Все проскочили удачно, даже дети. Я проконтролировал.

Спецназ поражён.

- Дети?! А они-то – зачем?

- Мать не уследила, - ответил Предатель.

- Их же отловят первыми!

Предатель пожал плечами.

- Не думаю, что утопят, как моих братьев. Не в том уже возрасте они.

Спецназ в панике заметался перед закрытыми воротами.

- Как только в следующий раз откроют ворота, - выкрикнул он, - ты, Предатель, подбежишь к охраннику...

- Не получится! – перебил его Предатель. – И вообще...

Спецназ остановился и обернулся к Предателю.

- Что? Что ещё за «вообще»?! – гневно произнёс он.

Предатель отступил чуть назад.

- Думал, ты уже передумал становиться нежным папашкой.

Спецназ несколько секунд усиленно хмурил брови, затем объявил:

- Ладно, я к мосту, а ты – вокруг станции мне навстречу.

- Не ближний свет, - уныло протянул Предатель. – Да и не полезет он через забор – сигнализация же и видеокамеры везде.

Спецназ подскочил к Предателю и злобно хватанул его зубами за холку.

- Только попробуй послушаться! Я тебя по законам военного времени... И почему ты не со всеми? Почему ты не рыщешь по территории станции в поисках супостата?

- Зверь ты! – Предатель, морщась от боли, пятится назад. – А наше время, между прочим, - сплошь военное. Оно свернулось и закрутилось в тугой мрачный клубок пространства, который или взорвётся...

- Ещё одно слово... - угрожающе прорычал Спецназ.

Предатель, продолжая пятиться, удалился ещё на несколько метров.

- Да ладно, иду уже. Подумаешь, напугал, - с некоторым пренебрежением в голосе проговорил он. – Вот чёрные дыры и взрывы свернувшихся в кулак вселенных... Э-э, да и не слышал, поди. С нами Бог и Андреевский флаг, да? Типа, так?

Спецназ вздыбил шерсть на загривке и сделал шаг по направлению к Предателю. Предатель повернулся и, опасливо поглядывая через плечо, отправился на выполнение боевого задания.

КОПАТЬ ОТСЮДА И ДО ПОБЕДЫ

Таракан подходит к бетонному забору и скользит взглядом вдоль его основания. Он видит, что земля у забора сухая, луж нет. Таракан расстёгивает куртку, снимает с пояса сапёрную лопатку, опускается на колени и принимается копать яму.

КАПРАЛОВ ОРГАНИЗУЕТ ОТЛОВ БЕЗДОМНЫХ СОБАК

Охранники Замшелов, Вскипелов и Кухарик стояли по стойке «смирно», а Капралов прохаживался перед этой кучей шеренгой с выражением свирепости на лице и приказным тоном вещал:

- Подготовить инструментарий – раз. Только всё самое необходимое – два. И с этим исключительно необходимым инструментарием изловить нарушителей в самые кратчайшие сроки! Всем понятно?

- Я знаю, где они сейчас могут быть, - высказался Вскипелов.

Капралов резко остановился и обернулся к Вскипелову.

- Самый сообразительный? – саркастически улыбнулся Капралов. – А мы все, дураки такие, не знаем?

В комнату быстро вошёл длинноногий Ненашев и поспешно занял место на левом фланге шеренги.

- А ты где шлялся? – гневно нахмурил брови Капралов.

Ненашев вытянулся в струнку и стал на десяток сантиметров выше, чем обычно.

- Оператор видеонаблюдения позвонил, сказал, что у него что-то со зрением.

- Что у него со зрением?

- У него всё нормально со зрением, - ответил Ненашев. – Действительно, вдоль забора – вода.

Капралов, словно в изумлении, выпучил глаза.

- Был дождь, которого никто не видел?

- Не было дождя, - сказал Ненашев.

- Вот и не умничай! – отрезал Капралов. – И бегом в медпункт!

Снотворное или что там у них... Но я им позвоню.

- Лучше – ацетат таллия, - ворчливо заметил Замшелов. – Целоваться Спецназ ко мне лез.

Капралов обратил свой начальственный взор на продолжающего стоять в строю Ненашева.

- Чего застыл, умник? Тебя тоже поцеловать надо, чтобы разморозить?

- Только вода почему-то... - проговорил Ненашев.

- Бегом! – не стал его слушать Капралов.

Ненашев хотел ещё что-то сказать, но не решился и, сопровождаемый суровым взглядом начальника, торопливо направился к выходу из комнаты. Оказавшись за пределами КПП, Ненашев остановился и даже хотел повернуть назад. Но не повернул, а отправился выполнять задание.

Не нравилось ему тут. И не то, чтобы сама работа не устраивала, работа-то, по общему определению, не бей лежачего, – отношения в коллективе не заладились с самого начала. За своего новые коллеги, а трудился он относительно недавно, всего три месяца, не приняли Ненашева. Даже кличку дали – Чужой. Прямо так в глаза и величали. «Чужой, чайку сваргань», - просили. «Чужой, пробегись-ка по территории», - приказывали.

Не сумел он себя поставить. И не потому, что робкий по характеру. Нет, пожалуй. Неконфликтный – это да. Ну, пошутили не очень добро, ну, обозвали – и что? И сразу драться? Может, попытаться поговорить?

Впрочем, он пытался. Но... опять шуточки, опять подколы, а то и откровенное издевательство. Последний раз такое было в начальной школе. Перейти в другую, между прочим, пришлось. Вот и отсюда, похоже, уволиться вынужден он будет.

ИСПОЛНЕНИЕ ДОЛГА И РУБЦЫ НА СЕРДЦЕ

Спецназ лежал напротив подкопа под забор станции и смотрел на приближающегося Предателя. Может ведь он, по большому счёту – негодяй, и пользу приносить. Главное – подход правильный найти. И отнюдь не обязательно, чтобы лаской, заботой, вниманием... Иногда необходимо и прикрикнуть, строгость проявить, намекнуть на возможность сурового и немедленного наказания безо всякого снисхождения и поблажек вплоть до полной аннеги... До полной аннигиляции, в общем.

- Фу! – выдохнул Предатель и присел напротив Спецназа.

- Ну что? Какие новости? Периметр весь затоплен? – спросил Спецназ.

- Да почти везде вода. – Предатель тыльной стороной правой передней

лапы провёл по лбу. – Запарился, как ездая какая-нибудь.

- Стариковская трусца уже напрягает? Как там наши, не слышно? Шухер, наверно, подняли?

Предатель рассмеялся.

- Ха-ха-ха! Спецназ, алё! Это ты ещё не отвык голодным работать, а они... Ну, сам подумай.

Спецназ нахмурился и помотал головой.

- Нет, не может быть.

- Да наелись, думаю, уже все. А когда собака поест, что она делает? Тем более если солнышко припекает, а? – И Предатель задрал голову кверху, подставив морду ласковым лучам солнца.

Спецназ вскочил и принялся с озабоченным видом прохаживаться туда-сюда.

- Ты плохо о них думаешь. Нельзя так о собаках.

Предатель усмехнулся.

- Да нет, я допускаю, что Сплетница, наевшись, приступила к утолению информационного голода, а Мать ещё не всех щенков успела отыскать.

Спецназ остановился напротив Предателя и сделал попытку заглянуть тому в глаза.

- Давай-ка ещё один кружок, Предатель. Но не молчи. И они откликнутся. Предатель, будь настоящим псом, прошу тебя!

- Ты хочешь, чтобы я помер? – отвёл глаза Предатель.

- Предатель, ты знаешь, что такое чувство исполненного долга?

Предатель поднялся и с тоской посмотрел на Спецназа.

- Спецназ, если бы у меня была возможность отдать все долги, на земле даже крыс не осталось бы. Они ведь у меня кончик хвоста отгрызли, когда я от постоперационной депрессии загибался.

- Хвост отгрызли? – Спецназ попытался заглянуть Предателю за спину.

Предатель поджал хвост.

- Кончик. Только ты никому. Ладно? Никто же не замечает. Это – как на сердце рубец.

- Шрамы украшают мужчину. И пса, соответственно, - высказал банальность Спецназ. – Ну, давай! А я здесь, на линии вероятного прорыва.

Предатель кивнул.

- Я сделаю ещё круг. Но на большее не рассчитывай, Спецназ.

Спецназ проводил взглядом Предателя, добравшегося до моста, а затем его миновавшего, повернулся и побежал в противоположную сторону.

ДОНОРМИЛ ПОЛЕЗЕН НЕ ВСЕМ

Из двери, над которой красовалась вывеска «Столовая», вышли Замшелов и Ненашев. В руках у них были длинные палки с верёвочными петлями на конце.

- Глянь! – приказал Замшелов.

Ненашев спустился с крыльца, на цыпочках добежал до угла здания столовой и осторожно выглянул. Затем вернулся обратно.

- По-моему, две особи всего, - сообщил не вполне уверенно.

- Проклятье! – вспыхнул Замшелов. – А остальные-то где?

- Только Лежебока и Сплетница, - ответил Ненашев. И для убедительности вздохнул.

- Ну вот где она там? – задёргался Замшелов. – Ведь и этих упустим!

- Да иду уже, - послышался женский голос, и из столовой вышла баба Галя. В руках она держала большую миску с мясным фаршем.

- Давайте-давайте! – поторопил её Замшелов. – Хорошо перемешалось?

- Могу дать попробовать, - усмехнулась баба Галя и стала спускаться с крыльца.

- Попробовать! – фыркнул Замшелов. – Я-то попробую. А толку? Как бы они не раскусили.

- Как, ты сказал, эта гадость называется? – поинтересовалась, остановившись на углу, баба Галя.

- Донормил, - ответил Ненашев.

- Не помрут? – спросила баба Галя не без тревоги в голосе.

- Посмотрим, - довольно улыбнулся Замшелов.

Баба Галя завернула за угол столовой и подошла к почивающим на свежесаженом зелёной травкой газоне Лежебоке и Сплетнице.

- А на десертик вам – донор... - споткнулась на незнакомом слове баба Галя и наморщила лоб. – Господи, уже и забыла.

Сплетница открыла глаза и приподняла голову.

- Да слышала я. Донормил.

- Донорбил, кажется, - наконец выговорила баба Галя и поставила миску с

фаршем перед Лежебокой и Сплетницей.

- Донормил, а не донорбил, - поправила бабу Галю Сплетница.

- А сами виноваты, - ответила Сплетнице баба Галя. – Через ворота, понаглому... Нет, так не годится, дорогие.

- Лежебока, не вздумай, - обернулась к лениво поднимающейся на ноги Лежебоке Сплетница. – Вы с бабой Галей не только внешне похожи, но и по культурному уровню одного поля ягода.

- Что за наезды? – нахмурилась Лежебока.

- А то, что моей хозяйке её дочь, к твоему сведению, этот донормил поштучно выдавала.

- Которая тебя на другом конце города якобы случайно потеряла? Кхе! Думаешь, до сих пор – поштучно? – спросила Лежебока и посмотрела на бабу Галю, поворачивающуюся, чтобы уйти с чувством исполненного долга.

- Да, никогда не знаешь, чего ждать от этих людей. Совершенно непредсказуемые, – проговорила Сплетница и тоже бросила взгляд вслед удаляющейся бабе Гале. – Думаешь, я дорогу не нашла бы? Сама не захотела возвращаться. – Сплетница, с явной неохотой, поднялась, потянулась всем телом и посмотрела по сторонам. – А отсюда уходить надо.

Замшелов и Ненашев практически одновременно увидели убегающих Сплетницу и Лежебоку. Замшелов замахнулся на Ненашева.

- Из-за тебя!

- Да почему же из-за меня-то? – попробовал защититься Ненашев.

- Ты же дозы рассчитывал!

- Только потому, что ты таблицу умножения не помнишь, - парировал Ненашев и тотчас вскрикнул: - Ой! Ой-ой!

- Что такое? – не понял Замшелов.

- А вон, не видишь? – взмахнул рукой Ненашев.

К миске с мясным фаршем, нафаршированным донормилом, бежали Норри, Финли, Эйла и Юна. А неподалёку стояла Мать, с опаской поглядывавшая на охранников.

- Ну и то... Хоть этих отлавливать не придётся – просто в сумку покидаем, - с удовлетворением проговорил Замшелов и стал думать, как бы незаметно подобраться к Матери.

Когда он обернулся к напарнику, намереваясь, по всей видимости, что-то сказать, то вдруг обнаружил, что Ненашева рядом с ним нет. Он, этот Ненашев,

почему-то быстрым шагом приближается к окружившим миску с фаршем щенкам. Что он задумал?

- Эй, Чужой! Спугнёшь! – крикнул Замшелов.

Однако что это? Ненашев ногами распахивает щенков в стороны, затем нагибается и переворачивает миску вместе со всем её содержимым.

- Рехнулся? Что ты делаешь? – Замшелов торопливо бежит к Ненашеву.

- Порция не детская! – Ненашев вскакивает на перевёрнутую миску, которая под весом его тела вдавливаясь в податливый грунт газона. – И вообще, лучше бы с затоплением забора разобрались! – выкрикивает он с отчаянием в голосе.

Замшелов двумя руками толкнул Ненашева. Ненашев отшатнулся назад, однако затем резко присел и нырнул вперёд, своим телом накрывая вдавленную в газон миску. Замшелов ухватил взбунтовавшегося напарника за ногу и принялся оттаскивать его в сторону.

Потом Ненашев подвергся начальственному разносу.

- Это что ещё за взбрык? – вопрошал Капралов, сверкая гневно глазами. – Кто позволил самоуправство?

- Они могли умереть, - попытался оправдаться Ненашев.

- И что с того? Тебе-то какое до этого дело?

- Да уволить его немедленно, - подсказал Замшелов.

- А тебя не спрашивают! – метнул в его сторону суровый взор Капралов. – Ты, профессионал с опытом, обязан был пресечь противоправные действия младшего коллеги, придурковатого и безответственного. Или ты не шибко далеко от него откатился?

- Я пресёк, я его за ноги оттащил, - попробовал отстоять репутацию опытного профессионала Замшелов.

- Но щенки-то разбежались. Так ведь?

- Ну дак... Я его за ноги, а он сопротивляться... А те, естественно, в разные стороны...

- Ближайшее усиление, и вы оба – первоочередные кандидаты на внеплановые дежурства, - вынес вердикт Капралов. – А теперь оба отсюда вон пошли! Изловить, выгнать, очистить территорию!

ПРЕДЧУВСТВИЯ ПОРОЙ НЕ ОБМАНЫВАЮТ

Таракан, с сапёрной лопаткой в руках, стоит на коленях перед бетонным забором и мрачно смотрит на полуметровой глубины яму у его основания, на дне которой – вода.

- Проклятье! – рычит террорист.

И что теперь? Ходить вдоль забора и искать, где бы ещё попробовать покопать? А вдруг снова вода проступит? Откуда только она берётся? Всё было нормально – и вот на тебе.

Хотя, если вспомнить, было с самого начала предчувствие нехорошее, а на его фоне и мысли тревожные из подсознания всплывали. Но он гнал их, подлых, прочь, не позволяя поколебать его стремление к успеху, который выражался в солидной денежной сумме с приличным количеством нолей. И планы по конвертированию этой суммы в материальные блага в течение уже немалого количества дней грели душу.

Ладно, полоса чёрная, полоса белая. И Таракан поднялся, глянул в одну сторону, в другую и пошёл вдоль забора влево.

СОБАКИ НЕ ДОЛЖНЫ ЛЯТЬСЯ

Турист, бросая быстрые взгляды по сторонам, нёсся по дороге между производственными зданиями, когда из-за очередного угла появился Фашист, бегущий ему наперерез. Побегка Фашиста – неторопливая и расслабленная, глаза полуприкрыты.

- Фашист, стой! – вскричал Турист. – Ты куда?

Фашист остановился, посмотрел на Туриста и улыбнулся.

- Куда? Спроси – откуда.

- Откуда и куда?

- Заглотил порцайку от бабы Гали, теперь где-нибудь залягу, - потягиваясь, ответил Фашист.

- А остальные где?

- Сам не сообразишь? – усмехнулся Фашист. – Я ведь не они. Я пищу просто проглатываю, хоп – и на месте. И залягу я в безопасеньком месте, подальше от столовки. – Фашист ещё раз потянулся. – Планирую приятный сон посмотреть. Тебя не приглашаю.

Фашист намерен продолжить путь, однако Турист заступает ему дорогу.

- Фашист, помоги Таракана найти, прошу! – умоляюще произносит он. –

Я уже, кажется, всё обегал.

Фашист поморщился.

- А просьбы, Турист, не подлежат обязательному исполнению, - проговорил он лениво и небрежно, словно через губу перебрасывая слова. – Просителей я, знаешь ли, не жалую.

Фашист предпринял попытку обойти докучливого просителя, однако Турист быстро сместился в сторону и вновь оказался на пути разнеженного приёмом пищи собрата.

- Э-эх, ну что ты за пёс такой? – обернулся Фашист к Туристу и натолкнулся на взгляд его потемневших и свирепо сужившихся глаз. – Э-э, притормози, приятель! – вскрикнул Фашист, мгновенно взбодрившись. – Мы, собаки, должны разговаривать друг с другом, а не лаяться. Ты накричишь на меня, я тебя обругаю – что хорошего?

Потом Турист и Фашист бегали по территории станции, осматривая все закоулки и приближаясь периодически и к бетонному забору. Естественно, в тех местах, где это было возможно.

Вдруг Фашист, следовавший позади Туриста, выкрикнул:

- Стой!

Турист нехотя остановился и повернулся к застывшему в десяти шагах Фашисту.

- Что случилось?

- Ты вперёд-то поглядывай! – возмутился Фашист. – Уткнулся в землю, ноздри растопырил и чешет, понимаешь!

Турист повернул голову и, вытянув шею, устремил взор в направлении бетонного забора, к которому и направлял он стопы свои только что. И увидел Таракана. Террорист стоял около забора, по колени в воде, и, обернувшись, сверлил взглядом их обоих, и Туриста, и Фашиста. Попеременно. В руках у него находилась завязанная в узел, посредством рукавов, куртка ремонтного рабочего.

Турист поспешно попятился назад. Поравнявшись с Фашистом, он бросил испуганный взгляд на собрата.

- Что он задумал?

- Думает, кого убить. Тебя, меня или нас обоих, - высказал предположение Фашист, после чего отбежал в сторону и укрылся за столбом линии электропередач.

Турист незамедлительно проделал то же самое.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ДАЁТ СБОЙ

Спецназ бежал по просёлочной дороге, приближаясь к мосту. И он не просто так бежал или дефилировал (последнее звучит уж совсем пошленько). Патрулируя периметр атомной станции он, одновременно с этим, ещё и думать пытался. Думать, размышлять, осмысливать положение дел и, что тоже крайне важно, психологически готовиться к успешному совершению героического подвига. Именно – к успешному. Потому что чувствовал необходимость этой подготовки. Никогда не чувствовал, а вот сегодня... И виной тому – ряд неудач последнего времени, недоброго, недружественного и даже сурового по отношению персонально к нему, к Спецназу.

Вспомнилось высказывание Предателя про круглое время. Что это значит? Круглое, как чугунное пушечное ядро, начинённое взрывчаткой? Такое обязательно рванёт. Взрыв неминуем. Или один для всех или многих, или – для одного кого-то. Да хоть для героя, всегда готового на подвиг, однако должным образом не подготовившегося. Готового, но не подготовившегося. Коряво как-то сформулировал. Впрочем, смысл понятен.

Спецназ остановился напротив подкопа и прислушался. Что-то в окружающем пространстве было не так. То ли звуки новые появились, то ли запахи, то ли общее ощущение его собственной тревоги каким-то образом отразилось от глухого на вид бетона.

Осторожно пригнувшись, Спецназ направился к околзаборным разливам воды. И тут внезапно объявился шум летящего предмета немалого, судя по звуку-посвисту, размера. Спецназ только успел вскинуть голову, увидеть это летящее через забор страшное и большое и стремительно упасть на землю, закрывая голову передними лапами. Летящий предмет по касательной задел спину Спецназа, отчего тот громко взвизгнул, и шумно упал на землю. Спецназ убрал лапы с похолодевшего затылка, приоткрыл глаза (они, оказывается, закрыты были) и с опаской покосился на убийственный снаряд.

Ха! Это всего завязанная узлом куртка строительного рабочего, а рядом с ней – выпавшая, очевидно, из неё ярко-красная квадратная металлическая коробка с надписью «SWEET RELLA».

Спецназ, постанывая, потому как в результате недавних резких движений

порядком разбередил свою рану на правом боку, поднялся и, пригнув голову, произвёл несколько шажков по направлению к куртке и коробке и втянул в ноздри как можно больше воздуха. Никаких, вроде бы, опасных запахов, ни одного, кажется, настораживающего звука.

А вот со стороны забора донёлся вдруг вполне явственный шум исключительно непонятого происхождения. И Спецназ поспешно развернулся на сто восемьдесят градусов. Он развернулся и запостреливал глазами туда-сюда и даже вниз-вверх. Однако никого и ничего не обнаружил. Странно. Обязательно должен быть кто-то, непременно должно быть что-то, что можно с уверенностью признать причиной или источником звука.

Спецназ, ввергнутый обстоятельствами в мыслительный ступор, стоял и глупо хлопал глазами, когда из заполненного водой рва, из самых глубин этого искусственного водоёма вынырнуло Нечто, облепленное липкой глинистой грязью, с которого обильно стекали потоки мутной воды.

Спецназ в ужасе отшатнулся назад, присев на задние лапы, а затем бросился влево и попробовал зарыться в траву. И тут он словно бы увидел себя со стороны. Да не своими глазами, а глазами минно-розыскной красавицы Глаши. Спецназ вскинул голову, однако Глаши не обнаружил. Да это и не возможно.

И Спецназ, он уже оправился от испуга, скосил глаза вправо. Ух ты! Это же Таракан! В недавнем чуде теперь легко угадывался Таракан, который в эту минуту зажатый в руке пучком свежесорванной травы убирал с лица грязь и пытался проморгаться.

Спецназ поднялся и осторожно, на слегка подрагивающих ногах, приблизился к Таракану.

- Опять ты? – обнаружив Спецназа, проговорил Таракан почти дружелюбно. – Ладно, даю пять секунд.

- А они у тебя есть? – прорычал Спецназ, уже набравшийся храбрости под завязку, если можно так выразиться.

Он сделал ещё пару шагов и изготовился к прыжку.

- Да ты свихнулся, бродяга! – с сарказмом произнёс Таракан, пребывавший отчего-то в прекрасном расположении духа. – Мечтаешь чучелом на комодё?.. У тебя же шкурка подпорчена.

- А тебя и вообще в цинке похоронят! – рявкнул Спецназ.

Рявкнуть-то рявкнул, а сомнения зародились. Ну или актуализировались.

Это же закон природы. Если кто-то слишком уверен в себе, то его противник должен очень постараться, чтобы коленки у него не задрожали, лапы не подогнулись, а инстинкт самосохранения не ухватил за шкуру и не увлёл на позорную стезю безоглядного бегства.

Но – «Честь дороже Жизни». Такой девиз был у какого-то подразделения, к которому они с Андреичем были одно время прикомандированы. Спецназ собрался с духом, произвёл два быстрых шага и бросился на Таракана. Таракан ловко отпрыгнул в сторону, однако поскользнулся на сползшей с него грязи и упал на спину. Спецназ, приземлившись, развернулся и подскочил к поверженному врагу. Он прижал передними лапами Таракана к земле и намеревался уже вцепиться в горло врага, когда тот выбросил перед собою согнутую в локте левую руку.

И Спецназ совершил ошибку. Вот что значит потерять квалификацию в результате полуголодного существования, когда не то, что потренироваться, но и мысленно пройти по теоретическим основам боевых искусств толком не получается.

В общем, Спецназ, исключительно против своей воли, вцепился зубами в предплечье руки противника. Таракан, конечно, завопил.

-А-а-а! – закричал Таракан. И очень громко закричал.

Однако рук у Таракана – две. Это горло у него одно, и достаточно нежное, как у ягнёнка, только толще. А вот кроме левой руки, у него имеется и правая. Этой-то рукой Таракан и дотянулся до накладного кармана комбинезона и извлёк из него пистолет.

НЕ НЫРНУВ В ГРЯЗЬ, НЕ ОТМОЕШЬСЯ

Турист взволнованно бегал вдоль забора, основание которого было залито грязной, взбаламученной водой, а Фашист сидел и наблюдал за ним.

- Нырять-то с головой придётся! – выкрикнул Турист, и в голосе его явственно обозначились панические нотки.

- Да брось. Это же Таракан орал, - сказал Фашист и посмотрел по сторонам. – Как выбираться-то будем?

- Никогда не нырял. Чем это грозит? – дрожащим от волнения голосом спросил Турист.

Фашист пожал плечами.

- Слух, нюх потеряешь, наверно. Да и вообще никогда не отмоешься.

- А не нырну – отмоюсь? – простонал Турист и потрогал лапой мутную воду.

Фашист усмехнулся, но ничего не сказал. А что тут скажешь? Ну явный же неадекват этот Турист. То шляется по миру, презрев все нормы собачачьего сообщества относительно оседлости и преданности или стае, или хозяину, если таковой в наличии, то вот вдруг нырять собрался. Да не положено собакам нырять! Тем более – в такую грязь. Подхватит какую-нибудь заразу – кто его, социально незащищённого-то, лечить возьмётся, когда все услуги ветеринарные денег стоят? Раньше, хотя бы, все знали, какую травку съесть, если голова болит, а какую – от поноса. Но эти знания почти полностью утрачены, а применять по назначению подобранные на помойках таблетки никто не научил.

ПИСТОЛЕТ, НОЖ И КОРОБКА С ПУЛЬТОМ

Спецназ уже видел перед собою забитое грязью выходное отверстие ствола пистолета. И он предпринял несколько попыток отклониться в сторону, стремясь при этом не выпустить из зубов левую руку находящегося под ним Таракана. Однако ни одна из этих попыток, отнимавших последние силы, не принесла удачи – напротив, грязный срез ствола пистолета становится всё ближе и ближе.

И наступил момент, когда Спецназу ничего иного уже не оставалось, как закрыть глаза, чтобы не видеть, как смертельной болью полыхнёт огонь выстрела.

Раздался сухой щелчок, затем – ещё несколько.

Спецназ распахнул глаза и принялся с воодушевлением трепать зажатую в зубах руку противника. Между тем, другая рука Таракана, правая, вооружённая, взлетает кверху, а затем рукоять пистолета с силой опускается на голову Спецназа. И глаза Спецназа закатываются кверху, зубы разжимаются, а сам он мешком скатывается с Таракана.

Таракан поднялся на ноги и, постанывая, принялся осматривать окровавленную левую руку. Затем запихнул пистолет в накладной карман брюк, вынул из ножен кинжал и сделал шаг по направлению к лежащему неподвижно Спецназу.

Послышался громкий всплеск, и Таракан, стремительно обернувшийся,

увидел вынырнувшего из воды Туриста, облепленного грязью и совершенно неузнаваемого.

- А это ещё что такое? – поразился Таракан. – Большая водоплавающая крыса?

- Сам ты крыса! – огрызнулся Турист и принялся встряхивать шкурой и мотать головой, дабы поскорее привести себя в порядок, пусть и относительной, и, конечно же, стать зрячим в полной мере.

Спустя несколько секунд Турист уже смог видеть не только Таракана, но и сумел обнаружить неподвижно лежащего Спецназа с залитой кровью головой.

- Зря ты так, - сказал Турист и на разъезжающихся ногах направился к Таракану.

- Тебе-то чего? – обозлился Таракан. – Шёл бы мимо. Или решил вне очереди?

Таракан сделал несколько осторожных шагов в сторону Туриста и, поигрывая ножом, приготовился к решающему удару.

- Стой, Предатель! Подожди! – вдруг закричал Турист.

Таракан заметил, что взгляд Туриста обращён не на него, а, без сомнения, куда-то мимо, и поспешно обернулся. И увидел Предателя, стоящего в нескольких метрах, около куртки ремонтного рабочего. В зубах у него – ярко-красная металлическая коробка.

- У-у-у! – мотает головой Предатель.

- А ну брось, гад! – закричал Таракан. – Несъедобная же!

И Таракан кинулся к Предателю. Предатель, не выпуская из зубов коробки, бросился бежать в сторону моста.

- Отдай коробку! – перешёл на визг Таракан, а затем побежал, размахивая ножом, за Предателем.

Турист подскочил к начинающему приходить в себя и перемещающемуся в сидячее положение Спецназу.

- Думал, хоронить тебя придётся.

- Таракан где? – задал вопрос Спецназ и принялся оглядываться по сторонам, встряхивая при этом головой, потому как кровь, заливавшая ему глаза, мешала смотреть. – Это не он визжал по-человечьи?

Турист взмахнул лапой, указывая направление.

- За Предателем гонится. За мостом уже оба.

Спецназ обратил взгляд вслед бегущим по дороге Предателю и Таракану.

- У Предателя в зубах красная коробка?

- Ну да, украл. Не знаю, зачем, - пожал плечами Турист.

Спецназ поднялся на ноги.

- Зато я знаю, почему Таракан упорно за ним гонится.

- Почему?

- В коробке, вероятно, пульт управления радиовзрывателем. Если Предатель не свернёт к Ржавой Выставке... - Спецназ замолчал, задумавшись о перспективах и последствиях необдуманных действий Предателя. – Да, он выронит, если тяжёлая.

- Попробую догнать, - принял решение Турист и, сорвавшись с места, помчался к мосту.

Спецназ собрался с силами и последовал за Туристом. Конечно, отнюдь не быстро и под аккомпанемент собственных стонов.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПЛАН АРТИСТА

Мать и её детей изловили и вышвырнули за ворота КПП станции. Мать сочла данный исход достаточно благополучным, полагая, что могло быть намного хуже. И об этом «намного хуже» она теперь старалась даже не думать. Она и её дети – живы и на свободе. И главное – они вместе, их не разлучили. Да, обошлись грубо, причинили боль и моральные страдания, а Норри и вообще повредили спинку. Малыш долго плакал и ныл, но уже почти полностью успокоился и даже начал принимать участие в играх сестёр и брата.

Сплетница и Лежебока сами прибежали к КПП и позволили Замшелову и Кухарику выгнать их за проходную. Лежебоке, недостаточно резвой, изрядно досталось от Замшелова, не преминувшего воспользоваться ситуацией и грубо распутить ноги. Пнул несчастную собаку дважды, а при этом ещё и обругал её последними словами. Злой и низкий человек, не чувствующий чужой боли и равнодушный к страданиям ближнего своего. Ну да отольются кошке мышкены слёзы.

Фашист, предвидевший последствия встречи с ловцами проникших на охраняемую территорию собак, проявил максимум осторожности. После того, как Турист с головой нырнул в мутную подзаборную воду, он некоторое время посидел, прислушиваясь к звукам происходивших за водно-бетонной преградой событий, а затем отправился прогуляться по территории станции, попутно

шевели мозгами. И не напрасно. Не зря он прогулялся и поразмышлял. Появилась неплохая мысль, созрел отличный планчик, удачное осуществление которого могло принести определённые дивиденды.

Вот только каким количеством времени он располагает? Попробовать посчитать можно, однако высчитать вряд ли получится. Поэтому не стоит и пытаться, пожалуй. Следует самым прямым и непосредственным образом приступить к делу, ни минуты не медля, так как сделать предстоит немало. А если учесть, что и опытом необходимым он не располагает, то – не медля ни секунды, ни мгновения даже. Спецназ, несомненно, справился бы быстрее. С его-то квалификацией.

Но Спецназ же глупый. Глупый и самоуверенный. Рычать, командовать, брать на горло – на это он мастак. А в нужный момент родить гениальную мысль, выудить её из массы пустых, никчёмных и отвлекающих, а потом с артистическим изяществом претворить её в жизнь... Фашист, вспомнил свой сегодняшний артистический успех, пережитый им на ниве драматического искусства, и невольно улыбнулся. Артистическое изящество – артистический успех. Может, и в нём течёт голубая кровь аристократа? А что? Он вполне может быть незаконнорождённым. Таких случаев сколько угодно. А имя взять и поменять. Артист, например. А почему нет? Неплохо звучит.

Ч-чёрт! Он опять теряет время! Приступить немедленно! Главное – он знает, с чего начать. И с какого места. С того самого, где в последний раз Таракан был замечен.

Фашист вернулся к месту подкопа и внимательно осмотрелся. Осматриваясь, он уронил взгляд на по-прежнему мутные воды у забора, там, где исчезли под водой сначала Таракан, а потом Турист, и громко расхохотался, представив, в каком виде тот и другой явились в заборное пространство. Нырятьщики. Ха-ха!

Ну вот, опять отвлёкся. В этот миг новая мысль сверкнула в сознании. Карамба! Тысяча чертей! Ну конечно! Да, Таракан вернулся к месту подкопа и обнаружил, что он залит водой, затоплен. И что он после этого предпринял? Хоп – и нырнул? Без сомнения, нет. Фашист даже вспотел при этой мысли. Что сделал бы нормальный пёс, пребывающий в полной памяти и сознании, как пишут в завещаниях? А люди ведь недалеко ушли от собак по части умственного развития. Он бросился бы искать другое место преодоления преграды. А уж потом, ну, в случае неудачи...

И Фашист, не теряя более ни секунды, принялся обнюхивать землю.

ЕЩЁ ОДНА ВОЗМОЖНОСТЬ ОСТАНОВИТЬ ТЕРРОРИСТА

Предатель, бегущий по дороге, не без усилий поднял голову с зажатой в зубах коробкой красного цвета и увидел бредущих навстречу Сплетницу, Лежебоку и Мать, а также резвящихся около них щенков. И поспешно свернул с дороги вправо. Однако наперерез ему бросился Турист. Не убежать. Ясен пень, удрать не получится. Предатель остановился, разжал зубы, и металлическая коробка упала, громко ударившись о торчащий из земли камень. Крышка отскочила в сторону, и из коробки в траву вывалились мелкие обрезки поролона.

- Что?! – изумлённо вскричал Предатель. – Я знаю – там должно быть печенье!

- Никому ничего не трогать до прибытия специалистов! – прокричал подоспевший Турист. – Таракана не подпускать!

Отдав это распоряжение, Турист повернулся и выбежал навстречу приближающемуся Таракану и тяжело бегущему позади него Спецназу. Затем он оглянулся на сгрудившихся позади него сородичей и ещё раз прокричал:

- Не трогать ничего!

- С дороги, шавки! – рявкнул подбежавший Таракан и замахнулся на Туриста вооружённой кинжалом рукой.

Турист отпрыгнул в сторону. Лежебока, Мать, Сплетница и Предатель также удалились на безопасное расстояние. Не отбежали лишь щенки, уже вовсю играющие с вывалившимися из коробки кусками поролона.

- Дети, ко мне! – закричала Мать.

Таракан упал на колени около металлической коробки, однако прежде чем получить возможность беспрепятственно шарить руками в траве, вынужден был расшвыривать в стороны Норри, Финли, Эйлу и Юну, не считающих возможным прекратить резвиться лишь на том основании, что взрослые вдруг разорались по неизвестной причине. И даже то, что грубые лапы возбуждённого человеческого существа обходятся с ними уж слишком бесцеремонно, отнюдь не сразу остановило их.

А перепуганная Мать продолжала надрываться:

- Дети, ко мне! Сейчас же – сюда!

Когда же все четверо оказались рядом с нею, приказала немедленно

бежать домой и, нервно подталкивая то одного, то другого, погнала детей прочь от опасного места.

Подоспевший Спецназ остановился около Туриста.

- Отдышусь и возьму его, - тяжело дыша, выговорил он.

- Нам и всем вместе его не взять, - упавшим голосом проговорил Турист.

– На такой кинжал всех нас – как на шампур...

Спецназ, продолжая шумно дышать, помотал головой.

- Мы должны. Найдёт пульт, отбежит подальше и нажмёт кнопочку.

Таракан вскочил на ноги и обернулся к собакам.

- Где он? Серенькая такая плоская штучка где?! – завопил он.

Спецназ и Турист переглянулись, а Таракан снова упал на колени и стал шарить руками в траве с удвоенной энергией.

- Сейчас найдёт, и... И всё, - проговорил Спецназ и принялся готовить к прыжку.

Он сейчас подскочит к Таракану и вцепится в него. И это самый подходящий момент. Пока он занят поисками, пока не поднялся на ноги. Необходимо решиться и прыгнуть. Просто решиться и просто прыгнуть. Всего лишь решиться.

И когда Спецназ, кажется, уже решился – так ему представлялось, по крайней мере, Турист вскрикнул:

- Не может! Он не может найти!

- В траве, она в траве, а ты тут... - пробормотал раздосадованно Спецназ, которому казалось, что он уже готов был броситься в бой, а Турист его сбил своим криком.

Хуже всего, когда вот так вот возьмут и вмешаются в и без того нелёгкий процесс собирания собственного организма. Мобилизации его в единый боевой комплекс, когда клыки – это саблезубые резцы, все мышцы подобны сжатым пружинам, а взгляд – как два упругих лазерных луча, способных пронзить насквозь не только врага слепленного из обыкновенной плоти, но и броню невероятной толщины.

Таракан опять вскочил на ноги и завертелся волчком, дико вращая выпученными глазами. Потом, взревев, кинулся к Предателю.

- Я тебя выпотрошу, негодяй!

Предатель не стал дожидаться, пока Таракан вынет из него потроха, и со всех ног пустился бежать по направлению к Эрвэпэдэ.

- Не догонит, - выдохнул взволнованно Турист. – Нет, это не возможно!
Подскочила Сплетница.

- Да что здесь происходит, в конце-то концов?! – в отчаянии взвизгнула она. – Да объясните же, наконец! Ну! Ты говори, Турист! Спецназ всё ещё еле дышит! – И Сплетница раздражённо толкнула Туриста.

- Не пихайся! – отпрыгнул от возбуждённой Сплетницы Турист. – Таракан не может найти пульт!

- Пульт? Какой пульт? – кипела Сплетница, которая была просто на грани, поднеси спичку – вспыхнет. – Да мне кто-нибудь объяснит, что случилось?

- Спецназ, расскажи ей, что значит... - проговорил Турист, оборачиваясь к Спецназу, и увидел, что того рядом с ним нет, что тот уже трусит в сторону моста.

- Как он расскажет? – заверещала Сплетница. – Ты же видишь, что не хочет со мной разговаривать!

- Ну и отстань! – выкрикнул Турист и побежал догонять Спецназа.

К Сплетнице подошла Лежебока.

- Успокойся. Не хотят разговаривать – включи собственные мозги, или что там тебе положили. Предатель проглотил что-то очень нужное Таракану. Но злодей Предателя не догонит. Ты это знаешь.

- Да, он очень напуган, - растерянно проговорила Сплетница и жалобным голосом добавила: - Но мне практически ничего не известно. Я просто в вакууме, в информационном.

- Ладно, пошли. Давай двинем за ними. Я и ты, - милостиво предложила Лежебока. – Они успокоятся и всё расскажут.

- Да, подруга, идём, - согласилась глубоко переживающая неудачу Сплетница и обратила грустный взор вдаль, на перебегающих по мосту через Горячку Спецназа и Туриста.

И Лежебока со Сплетницей отправились добывать столь необходимые им сведения, точнее – одной лишь Сплетнице. А Лежебока никогда, даже в молодости, не была излишне любознательной.

Взять, хотя бы, случай с проживанием у Гены. Была бы Лежебока чуть любопытней, не ленилась бы она лишний раз встать и переместиться поближе к выясняющим отношения супругам, она знала бы о претензиях жены Гены к ней гораздо больше. Говорят же, знание – сила. Предупреждён – значит, вооружён.

Да разве бы она рискнула угощать Матильдочку, которая была ей как дочь, лучшими из доставшихся ей кусочков мяса или обломков костей с нежнейшей мякотью мозга? А эти аппетитнейше похрустываемые на зубах хрящики! Да сама бы всё съедала.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ВОДНОЙ ПРЕГРАДЫ БЕЗ СТРАХОВКИ

Минуло уж более четверти часа, как Сплетница и Лежебока, удовлетворив любопытство, отбыли по другим своим делам, не менее, вероятно, важным, когда Спецназ, лежавший напротив подкопа под забор и смотревший на разливы воды, встал и попробовал пройтись. И снова прилёг, потому как перед глазами у него всё плыло и двоилось.

А потом прибежал Турист, крайне взволнованный, шерсть дыбом, бросил на землю трёхметровой длины верёвку и объявил:

- Предатель – герой!

- Потому что проглотил пульт? Как ему удалось?

- Не глотал он ничего!

Спецназ непонимающе уставился на собеседника.

- И где же пульт?

- Не знаю. Но Предатель не просто убежал от Таракана. Он, я же говорю, герой! Он... - Турист фактически захлёбывался словами.

- Расскажи толком, - нахмурился Спецназ и отметил про себя, что ему не очень приятно, что героем называют не его, Спецназа, пса с боевым прошлым, а кого-то другого, в данном случае – Предателя.

Турист немного успокоился и рассказал, что только что, бегая по Эрвэпэдэ в поисках верёвки, встретил Предателя. И тот рассказал Туристу, как, спасаясь от Таракана, Предатель заскочил в посадки. А заскочив в труднопроходимые, беспорядочно заросшие молодняком посадки, остановиться вовремя не сумел, ну, перепугался слегка, да и забежал несколько дальше, чем требовалось. Назад идти? А вдруг на преследователя наткнёшься? Да и если возвращаться, то это ненамного меньше, чем вперёд, то есть до Эм-3. Ну он и двинул вперёд.

- Да, спасся. Герой, - сказал Спецназ.

- Ты не дослушал. На Эм-3 он вышел как раз напротив кустов рябины, - продолжил рассказ Турист. – И что ты думаешь? Он прогрыз переднюю шину

мотоцикла таракановского и ещё какие-то трубки. И Таракан, Предатель это своим глазами видел, пешком почапал. А пешочком – ого-го сколько топать!

- Это хорошо, - кивнул Спецназ. – Время играет на нас. Но медлить всё равно нельзя. Проблему с пультом Таракан решит.

- А шас и приступим, - откликнулся Турист.

Спецназ поднялся, сфокусировал взгляд на верёвке и полувопросительно произнёс:

- Связанные одной целью, скованные одной цепью?

- Могу пойти первым, - предложил Турист. – Я ведь этот путь уже прошёл. У меня – опыт.

Спецназ отрицательно помотал головой.

- Первым пойду я.

- Подожди, – сказал Турист. – Чего это они сюда?..

Спецназ повернул голову и увидел бегущих по краю пригорка, вдоль реки, Мать и четверых щенков. Спустя минуту они достигли моста, и Мать, остановившись и повернувшись к своим детям, что-то пробурчала. Вероятно, велела им дожидаться её на месте и за мост не соваться. Сама же она перебежала на другую сторону реки и вскоре затормозила около Спецназа и Туриста, которые только теперь увидели, что из пасти у неё что-то торчит. Мать разжала зубы, и на землю упал небольших размеров серенький пульт с кнопками, изрядно потрёпанный, со следами зубов на нём.

- Вот, полюбуйте, - проговорила она, стремясь поскорее восстановить дыхание. – У детей отняла.

Спецназ схватился за голову.

- Боже! Это чудо, что взрыва не случилось!

Турист осторожно перевернул лежащий на земле пульт.

- Гнездо для батареек пустое! – с удивлением воскликнул он и добавил, теперь уже откровенно радостным голосом: - Батареек-то нет!

Из-за спины Матери появилась Эйла.

- Эти длинные штучки мы убрали, - сообщила она и подняла взгляд хитрых глаз на Спецназа. – Ты же говорил, что они сволочные.

- Щелочные. Да, я, возможно, говорил.

- Эйла, я просила вас ждать меня там, - суровым и взволнованным голосом проговорила Мать.

- Все и ждут, - округлила глаза Эйла. – И к чему эта паника? Ты видишь

здесь кого-то, кроме меня?

- Ладно, уходите, - распорядился Спецназ.

- Наша помощь больше не нужна? – спросил Эйла.

- Нет-нет. Мать, уводи помощников.

Мать и Эйла убежали, а Спецназ ухватился зубами за один из концов принесённой Туристом верёвки и шагнул к заполненному водой рву.

- Стой! – воскликнул Турист. – Эти едут!

Спецназ выпустил из зубов верёвку и глянул по сторонам. И увидел едущий по дороге, со стороны КПП, «уазик», принадлежащий охране атомной станции.

- Вот же гадство! – с досадой проговорил он. – И чего им надо?

- Расчухали, видимо, что периметр затоплен, - предположил Турист. – Наверняка на нас наедут. Сматываться надо.

Спецназу возразить было нечего, и они с Туристом поспешили отбежать на склон холма, на достаточно безопасное расстояние.

Не доехав до моста нескольких метров, «уазик» остановился, и из него выбрались Капралов и Вскипелов. Они прошли на мост и уставились на перегородивший Горячку ЗИЛ-130.

- Как он туда попал? – сурово глянул на подчинённого Капралов.

Вскипелов вытаращил глаза и пожал плечами.

- На Эрвэпэдэ я такой, кажется, видел. Но он не на ходу был. Свалка же.

- Работнички! – прошипел Капралов. – Как теперь его вытаскивать? Его же грязью, илом облепило.

- Трактор нужен. Да и то... - Вскипелов с сомнением покачал головой.

- А эти что там делают? – Капралов кивнул на Спецназа и Туриста.

- Сидят и на нас смотрят, - ответил Вскипелов. – Я давно их заметил.

- Вижу, что смотрят, идиот! – разозлился Капралов. – Чего им надо, я спрашиваю? Они весь день тут сегодня. То на территорию целой толпой, то вот сейчас сидят и пялятся.

- Наверно, лаз опять делают.

Капралов взглянул на Вскипелова и усмехнулся.

- Ты в уме? Нет, у тебя с головой что-то не то. Нырять в залитый водой ров и роют землю?

Вскипелов смущённо засопел и ничего не ответил. Про себя же подумал, что если этот Капралов, у которого зарплата чуть не в два раза больше, чем у

него, у Вскипелова, чего-то понять не может, то почему он-то, рядовой охранник, должен просечь?

- Ладно, иди посмотри, что там, где они были, когда мы ехали, - приказал охраннику Капралов.

Вскипелов покинул мост и потрусил по дороге, приближаясь к месту, где находился залитый водой лаз.

- Зря верёвку оставили, - наблюдая за Вскипеловым, вздохнул Спецназ.

- Да зачем им она? – вроде как возразил Турист, однако тревоги скрыть не сумел.

Вскипелов, между тем, поднял с земли верёвку и крикнул Капралову:

- Верёвка валяется! Очень бэушная!

- Ну брось, раз бэушная, - буркнул себе под нос Капралов.

Однако Вскипелов, судя по всему, не расслышал последних слов начальника, поэтому вернулся на мост с верёвкой в руках.

- Брось, я сказал, - повторил приказ Капралов, кинув мимолётный взгляд на находку подчинённого.

И Вскипелов тотчас избавился от верёвки, швырнув её в реку Горячку.

Спецназ и Турист обменялись мрачными взглядами.

- Только бы напакостить, - проговорил расстроенный Спецназ.

- Уедут – сбегаю. Найду другую, надеюсь.

- Пойдём без страховки, - принял решение Спецназ. – Ты же прошёл.

- Я – в состоянии ажитации. Ну, не в себе был.

- Кстати, второй раз на подобные подвиги решиться всегда сложнее. Это как с парашютом во второй раз. Я-то ничё, а вот молодые вэдэвэшники перед вторым прыжком очень даже робеют. До дрожи в конечностях и поджимания... Ну, сердце у них сжимается и – в пятки...

Турист прислушался к своим ощущениям и осознал, что в словах Спецназа определённый резон имеется. И он предложил:

- А давай дождёмся, пока они затор устранят.

- Ты знаешь, сколько времени потребуется для этого нашим разгильдяям?

- Не знаю, - честно признался Турист.

- Я знаю. Много. Не только в минутах, но и в часах.

Спецназ и Турист дождались отъезда Капралова и Вскипелова и приблизились к затопленному лазу.

- Ты, главное, глаза плотно зажмурь, - посоветовал Турист. – Хорошо бы,

и уши прикрыть, но ты вряд ли сумеешь.

Спецназ потрогал воду сначала одной лапой, потом второй. Не очень холодная, отметил с удовлетворением. Он зажмурил глаза и обернулся к Туристу.

- Так нормально?

Турист хотел ответить, что нормально, но передумал и посоветовал:

- Чуть посильнее нужно, чтобы уж наверняка.

Спецназ зажмурился изо всех сил.

- Как?

- Отлично, - оценил его старания Турист. – А теперь бросайся в воду и сразу ныряй.

- А потом?

- Гребь лапами, но голову не поднимай, а то ударишься о нижний край плиты, потеряешь сознание и всплывёшь кверху пузом, словно отравленная рыба. Видел я на Урале такое. Промышленный сброс – и вся река белая от всплывшей рыбы.

Нарисованная Туристом картина встала перед плотно зажмуренными глазами Спецназа, и он, вместо того, чтобы соединить веки ещё плотнее, широко открыл глаза. Совершенно непроизвольно, против своей воли.

Совладав с собой, Спецназ сказал:

- Всё, больше никаких советов. Ты понял? Зажмуриваюсь, ныряю, гребу, всплываю... Тьфу! Выныриваю.

- Да, выныриваешь и подаёшь мне сигнал.

- Какой сигнал? – зачем-то спросил Спецназ.

- Ну как какой? Что ты уже там, что жив и всё в порядке. Голосом.

- А, ну да, - усмехнулся Спецназ. – Знаешь, какой девиз у связистов?

«Чем громче крикнешь, тем дальше слышно» - их девиз.

- Смешно, - улыбнулся Турист и тотчас посерьёзnel. – Кстати, по моему опыту, предпочтительнее с разгону, как в омут с головой. Да это и есть омут, по сути.

Спецназ поёжился.

- Не говори это слово. «Омут» - слово плохое. Даже песня есть: «В тихий омут буйной головой. Холодный пот. Расходятся круги».

- А как надо?

- Водная преграда. И перед нами стоит задача по преодолению водной

преграды. Договорились?

- Договорились, - кивнул Турист.

Спецназ отступил от водоёма на несколько шагов, зажмурился, а затем бросился вперёд. Так, с закрытыми глазами, он и достиг забора, ткнувшись носом в бетонную плиту его.

- Нырять же надо было! – закричал Турист.

И Спецназ нырнул. А потом вынырнул. Но не по ту сторону забора, а всего лишь чуть левее.

- Ориентировку потерял, - выбравшись на берег, виновато произнёс он. – Со второго раза получится.

Со второго раза и в самом деле вышло всё как надо.

- Ну что? Как ты? – выкрикивал Турист, разминаясь около рва с водой.

- Лучше не бывает, - ответил довольный собой Спецназ. – Ныряй!

КРАСАВЕЦ АРТИСТ, В ПРОШЛОМ ФАШИСТ

Спецназ и Турист ещё не знали, что их труд, да что там – подвиг их по преодолению водной преграды, напрасен. Этого можно было уже и не делать, потому как Фашист уже отыскал закладку Таракана. Нашёл Фашист взрывчатку. Ну а что это ещё могло быть, как не сюрприз для всего человечества в тротиловом эквиваленте, когда земелька у бетонной стены свежевскопанная и не очень уж особенно тщательно присыпана сухим мусором?

А ведь мог Фашист и не найти закладку. И виной тому – обыкновенный дворник с метлой. Шёл, видимо, с совком и метлой наизготовку и обнаружил, что намусорено. Сработал рефлекс – прибрать. А мозги не сработали. И ну заметать мусор да в совочек складывать. А нет бы, взять да и подумать: почему это мусор сухой и неизвестно откуда взявшийся, а земля по ним сыроватая? Вопрос простенький и лежит на поверхности, как всё тот же (этот же, в смысле) мусор.

Однако Фашист отнюдь не лох совковорукий. Он сообразил, что след, по которому он уже столько времени бегаёт, ведёт, судя по всему, именно к этой стене. И прилёг на травку. Он подождёт, пока дворник уберётся отсюда, и продолжит поиски.

Так и сделал. Результат – успешное завершение дела. Ну, не завершение ещё, конечно. Однако главное сделано. Теперь сидеть и ждать. И кто-нибудь да

и объявится. А можно полаять по-собачьи с целью ускорения процесса. Или просто поорать что-нибудь, и не обязательно осмысленное и информативное – двуногими же собачья речь воспринимается в качестве примитивных вскриков или воя. А можно рэп почитать, он нынче в моде.

И Фашист принялся выкрикивать:

- Красавец Артист, в прошлом Фашист, взрывчатку нашёл, всех обошёл. Охрана, эй! Сюда, и скорей! Придурок Капралов, вылезай из подвалов! Толстый Кухарик, тащи сухарик! Замшелый Замшелов...

Фашист замолчал, не сумев быстро придумать рифму на «шелов». А с Замшелым и всегда так. Да и из всех охранников он самый противный. А то, что Замшелый якобы похож на него, на Фашиста, - ложь, враньё и провокация. Ну, разве что чуть-чуть, самую малость.

Фашист собрался уже вернуться к стихотворчеству, как вдруг объявилась здравая мысль, что он сам пёс недостаточно продуманный, если полагает, что сделал всё необходимое для триумфального завершения своей миссии. И только он это подумал, как боковым зрением уловил некое движение вблизи себя, слева. И быстро обернулся. Верёвочная петля, свисающая с длинной палки! Она летит, стремительно приближаясь! Фашист пригнул голову и метнулся вправо, буквально распластавшись над землёю. И очень вовремя.

Отскочив на безопасное расстояние, он остановился, бросил дикий взгляд на подкравшегося к нему Замшелова, а это был он, и уже хотел сказать пару ласковых, но сдержался. Разговаривать с этим олухом – только время терять. Придумал он тоже, сидеть и ждать, когда придут охранники, почешут ему за ушком, спасибо скажут и откопают взрывчатку. Нет, самому придётся выкапывать и предъявлять в очищенном, так сказать, виде.

А для этого необходимо время. Значит, увести их подальше, сбить со следа, а потом незаметно вернуться и произвести раскопки.

Так Фашист и сделал. И когда Замшелов и сопровождавший злодея Ненашев, обнаружили его спустя четверть часа, то увидели в зубах у Фашиста нечто непонятное, что-то перемотанное скотчем.

- Чё такое он жрёт? – спросил Замшелов, приглядываясь.

- Да ещё с проводами и каким-то электронным устройством, - ответил Ненашев и быстро лёг на землю.

- Ты чего разлёгся? – возмутился Замшелов. – В тот раз я чуть не поймал – теперь ты ловить будешь.

- А потом по двум гробикам наши кусочки разложат, не сортируя. И, боюсь, вместе с собачьими.

- Мама! – пролепетал Замшелов и, выпучив глаза, медленно осел на землю.

Фашист положил перед собою опутанную проводками поклажу, поднял голову и усмехнулся.

- Ослабли ножонки? Ладно, вызывай специалистов, Замшелей, - проговорил он снисходительным тоном.

Немного подумав, он снова ухватил свёрток зубами и побежал к залёгшим охранникам. Те вскочили и бросились наутёк. Фашист остановился, зашвырнул опасный свёрток в кусты, затем отошёл в сторону и уселся с видом победителя.

ПОБЕДИТЕЛЬ ПОЛУЧАЕТ ВСЁ

След, который взяли Спецназ и Турист, вывел их на Фашиста, гордо восседавшего на одной из аллей. Ищейки остановились в недоумении. Не потому, что встретили Фашиста, а по причине наличия в непосредственной близости от того группы работников охраны, что-то бурно обсуждавших.

Фашист тоже заметил Спецназа и Туриста. Однако повёл себя, на их взгляд, несколько странно. Он сделал вид, что не видит новоприбывших, даже головы в их сторону не повернул.

- Тут что-то происходит! – воскликнул Турист и присел как можно ниже. Очень ему захотелось слиться с пейзажем и стать незаметным.

- Они говорят... - пробормотал Спецназ, усиленно вслушиваясь в разговоры охранников. – Да, про взрыв они говорят.

- Значит... - захлебнулся от радости Турист. – Значит, они нашли... Они нашли взрывчатку!

При последних словах Туриста, произнесённых довольно громко, Фашист вскочил и подбежал к Спецназу и Туристу.

- Я нашёл! – выкрикнул он. – Взрывчатку нашёл я, недотёпы!

- Ты?! – поразился Турист.

Фашист расплылся в довольной улыбке.

- Я всё сделал. Я! А вы чего припёрлись? После приёма ванны положено укладываться в постельку. Вы же, вижу, после ванны. Ты, Турист, похоже, и

вообще фанат грязевых ванн.

- Фашист, это наше общее дело, - проговорил Турист. – А то, что ты на завершающей стадии сумел нас опередить, не даёт тебе права...

- Даёт! – перебил Фашист. – Все права даёт! Так что проваливайте, пока охранников не позвал. А я не люблю, когда к моей славе примазываются. Вот не люблю и всё почему-то. Можете даже считать это моим недостатком.

- Это иначе называется, - хмуро произнёс Спецназ.

- Да называй это как хочешь, Спецназ, - отмахнулся Фашист. – Но ты и сам знаешь, что я не очень хорошо к тебе отношусь.

- Ты ко всем не очень хорошо относишься, - вставил Турист.

- Ты, Турист, и вообще турист. И заткнись! – бросил ему Фашист и продолжил, обращаясь к Спецназу: - И работать с тобой в одном коллективе... Хотя, возможно, ты и не плохой специалист. Ну, если тебя послушать. Но работать с тобой, Спецназ, в одном коллективе я не намерен.

- Думаешь, тебя оставят? – спросил Спецназ.

- Ты хотел бы, чтобы оставили тебя, я это понимаю, но... Но увы и ах. Работать здесь буду я. Кто-то скажет, что свободолюбивый Фашист намерен продаться за чечевичную похлёбку. Но, во-первых, не за чечевичную. Чечевичную даже предложить мне, герою, никому в голову не придёт. Только полноценная белковая пища животного происхождения. – Фашист обернулся к Туристу. – А штат я себе, если потребуется, сам подберу.

- Из подхалимов, - подсказал Турист.

- Во всяком случае, не из бродяг и прочих придурков.

- Придурак – это, конечно, я, - резюмировал Спецназ.

- Не ты один, не зазнавайся, - ответил Фашист. – А теперь убирайтесь, а то на нас уже косо посматривают.

- Кроме взрывчатки, там что-то ещё было? – задал вопрос Спецназ.

- Конечно. Я в кусты забросил. Вон туда, - дёрнул головой Фашист.

- Оставайтесь на месте, - сказал Спецназ и отправился в указанном Фашистом направлении. Спустя несколько минут он возвратился и сообщил: - Всё хорошо.

- Всё замечательно, - подтвердил Фашист и направился напрямиком к группе охранников и работников атомной станции. Шёл неторопливо, как свой к своим. Подошёл и уселся в непосредственной близости от державшихся вместе Замшелова, Ненашева и Кухарика.

Замшелов сделал несколько шагов по направлению к Фашисту, нагнулся, потрепал пса по загривку и обернулся к Кухарику.

- Эй, Пух, дай ему что-нибудь.

- Что я ему дам? – возмутился Кухарик, пряча за спину руку с зажатым в ней уже надкушенным пирожком под названием «Колбаса в тесте». – Нет у меня ничего!

- А мы найдём, - ответил Замшелов и, подскочив к Кухарику, принялся его обыскивать.

- Да ладно-ладно! – испугался Кухарик и вытянул перед собою руку с недоеденным пирожком.

Но было уже поздно. Замшелов уже извлекал из одного из карманов куртки Кухарика упакованную в полиэтилен самсу.

- А про это забыл? Склероз-то надо лечить, - посоветовал Замшелов коллеге с иронией и повернулся к Фашисту, который был уже тут как тут. – Щас перекусишь. Заслужил.

Фашист, не дожидаясь, пока самса будет извлечена из полиэтилена, ловко выхватил угощение из руки Замшелова и отбежал в сторонку, на ходу высматривая место для трапезы. Хотелось ему, чтобы асфальт, где он присядет, было почище, ибо не тот уже у него статус, когда можно публично заглатывать еду, выковыривая её из грязи и мусора.

Торопливо подошли начальник охраны Капралов и возбуждённый Вскипелов.

- В самом деле, взрывчатка? Много? Где она? – затараторил Вскипелов.

- Помолчи! – оборвал его Капралов и кивнул в сторону Фашиста. – Этот нашёл?

- Этот, - ответил Замшелов. – Фашист мне всегда нравился. Был у меня в детстве пёс...

- Про детство потом расскажешь, - перебил Капралов. – А этих, - он указал на Спецназа и Туриста, - гнать. Как они опять здесь оказались?

- Они же мокрые и грязные, - засуетился Вскипелов, - значит, несмотря на потоп, невзирая на...

- Невзирая? – вспылил Капралов. – Я бы посмотрел, как ты не взирая...

- Так это я... - пролепетал Вскипелов.

- В общем, всех посторонних убрать, - не стал слушать Капралов. – Куда надо я уже позвонил. Будем ждать.

Фашист, с едой уже благополучно управившийся, поднялся и прокричал Спецназу и Туристу:

- Слышали? Убирайтесь! И побыстрее! Босс шутить не будет.

- Двинем к проходной? – обратился к Спецназу Турист.

- Да, - ответил Спецназ. – Не нырять же снова. Да и не выдержу ещё одного такого...

Спецназ хотел употребить слово «подвиг», но передумал. Не закончив фразы, он поднялся и направился к выходу с территории станции.

- Привет там нашим! – крикнул вслед Спецназу и Туристу Фашист. – И ещё передайте, что я имя поменял. Эй! Меня теперь Артист зовут!

- Расскажи об этом своим работодателям, - огрызнулся Турист. – А для нас ты как был Фашистом, так им и останешься.

Спустя пять минут Спецназ и Турист уже выходили из ворот КПП, которые для них открыл Ненашев, отправленный Капраловым проследить за выдворяемыми.

- Говорят, это Фашист нашёл взрывчатку! – подбежала, сверкая глазами, Сплетница. – Ну! Подробности!

- У Фашиста спросишь, - ответил, остановившись около Сплетницы, Турист. – Только он говорит, что его имя теперь Артист.

- Артист? – воскликнула Сплетница. – Ну и артист этот Фашист-Артист!

- Но если будешь называть его новым именем, мы с тобой разговаривать не будем, - объявил Турист.

- Не больно-то вы и разговариваете, - пробормотала Сплетница, и на морде её отразилось состояние задумчивости.

- Я тут полежу, нехорошо мне что-то, - сообщил прилётший на газон Спецназ подошедшему к нему Туристу.

- Лечить тебя надо, - вздохнул Турист. – Может случиться заражение крови и прочая ерунда. Беда, правильнее сказать. Во всяком случае, долго здесь не лежи. Помрёшь – они тебя хоронить не будут, увезут куда-нибудь и выбросят вместе с мусором.

- Я недолго. Передай Матери и детям... - Спецназ замолчал. – Ладно, ничего не передавай.

- Между прочим, детская моча может полезной оказаться. Если рану обработать, - сообщил Турист.

Потом он ещё что-то говорил, только Спецназ его не слушал. И не

потому, что не хотел – просто сил было мало, даже на разговоры.

ПОДШТОПАТЬ, ПОДЛЕЧИТЬ, ПОДКОРМИТЬ

Спецназ, пребывающий в состоянии забытья, видел сны, которые даже и не являлись, по большому счёту, снами. Скорее, в мысленном его воображении мелькали картины из его прошлой жизни, накладываясь одна на другую.

И вдруг он услышал знакомый голос, донёсшийся не из снов, а из какого-то другого мира, возможно, - из реального. Спецназ открыл глаза, ну, или приоткрыл слегка, и, скосив взгляд влево, увидел нескольких человек. Точнее, обнаружил троих человек, среди которых увидел в собственном смысле этого слова лишь Андреича. Спецназ непроизвольно дёрнулся и тотчас застонал от боли, полыхнувшей от раны в боку сразу во все стороны.

Андреич обернулся на стон, затем подошёл к Спецназу и принялся его рассматривать.

- Пёс-то породистый, - проговорил он с некоторым удивлением в голосе.

- Не узнаёшь, Андреич? – собравшись с силами, спросил Спецназ.

- Спецназ, ты, что ли? – вскричал Андреич. – Да тебя и не узнать!

Похорошел-то как! Что за диета?

- Шутишь, Андреич. А мне вот... не до шуток. Помираю, похоже.

- Спецназ, ты зачем сбежал с генеральской дачи? Дезертир ты, однако. И чего тогда на жизнь свою жалуешься? Надо же было дожидаться меня. А командира нашего ты знаешь.

- Очень хорошо знаю.

- Он же нам с тобой всегда завидовал. У него, считай, ни одной награды, кроме «песочных».

- Крыса он двуногая, - кивнул Спецназ.

Андреич присел и принялся осматривать Спецназа.

- Та-а-ак, поглядим, что у тебя.

- Рана на правом боку, - подсказал Спецназ.

- Да у тебя бок, дружище, распорот. Сроду такого не бывало, и вот опять, да? Резаная рана. И порядком загноилась, - поставил диагноз Андреич. – Тебя же срочно лечить надо. Что-то ты очень, по-видимому, не осторожен стал. Где ты так? Дебош? Пьяная драка?

- Террорист Таракан кинжалом полоснул, - пояснил Спецназ, которому

было не до шуток. – Это ж он взрывчатку...

- Ножевой порез, похоже, - проговорил Андреич и задумался. Спустя несколько секунд объявил: - А прямо сейчас тебя и отправим. А то пока я тут разберусь со всем этим...

- Я обезвредил, Андреич, - проговорил Спецназ, с трудом ворочая языком.

- Тут происшествие, понимаешь. Как раз, Спецназ, по нашей части, - продолжил Андреич. – И не один час пройти может. Ты же знаешь, как это бывает. В клинике тебя подштопают, подлечат, подкормят, потом... А там видно будет, - перебил сам себя Андреич и обернулся назад. – Дима, иди сюда! Отвезёшь Спецназа в клинику. Ты же, вроде, знал его.

Подошёл Дима, рассмотреть которого у Спецназа сил уже не было. Но на ответное приветствие силёнок подсобрал.

- Привет, Дима, - сказал.

А потом прикрыл глаза и отключился.

Прибежали Турист, Сплетница, Предатель, Лежебока и Мать с детьми и, застыв в оцепенении, смотрели, как Спецназа затаскивают в «Ниссан Караван».

- Он не смотрит на нас. Даже не помахал, - обиженно проговорила Юна, и глаза её наполнились слезами.

- Значит, ненадолго, - сказала сестре Эйла. Просто чтобы успокоить её.